

Каждый новый глава района «приносит под мышкой нового главврача». (С. 4)

Есть многие горные районы, куда люди возвращаются. (С. 9)

ASECTAH

№9 (132) СЕНТЯБРЬ 2016

Идет необъявленная война за умы молодого поколения. (С. 12)

Даже миром кровавых собачьих драк правит любовь. (C. 15)

Женщины тут всегда были бойкие и своенравные, настоящие амазонки. (С. 19)

«Сказанное слово – белое серебро, несказанное – красное золото». (С. 29)

Талисман в виде монетки с изображением последнего русского царя. (С. 31)

Колонка редактора

Капитализм, брат, ничего личного

- Салам алейкум...
- Что хотели?
- Вот... рука болит, локтевая часть опухла, вторые сутки не могу спать.
- Иди талон возьми, говорит весь поседевший мужчина преклонных лет, бросив взгляд на мой опухший локоть. И тут же с виноватым видом добавил: – Капитализм, брат, ничего личного, это не я, там наверху так решили.

Я с пониманием бегу в регистратуру. Девушка протягивает талон с суммой 850 рублей и направляет в кассу. С оплаченным талоном я снова у доктора.

- Что будем делать? спрашивает доктор.
- С чем, с кем?.. спрашиваю я в полном недоумении.
 - С твоим локтем? Видишь, как он опух?
- Ну да... конечно, опух и болит, ночью не спал, ноет, - говорю я с надеждой, что мои слова хоть какую информацию дадут ему в лечении.
 - Иди талон возьми.
- Вот же, только что взял, говорю я, указывая на талон.
- Этот был на консультацию, теперь надо на операцию... без операции-то нельзя, – говорит добрый доктор с милой улыбкой на лице. – Капитализм, брат, ничего личного...

Я быстро встаю и снова бегу в регистратуру. Милая, приветливая девушка в регистратуре с той же улыбкой протягивает мне такую же бумагу – только не на 850, как прежде, а на 2000 рублей, и направляет в кассу. Там не менее приветливая тетенька хватает мои потрепанные сторублевки, считает и дает талон. Да, чуть не забыл – с улыбкой и вежливо все было. Бегу к доктору. Уложил, уколол, были нестерпимые боли, порезал, помыл, перевязал, написал на полстраницы названия лекарств и говорит:

– Купи это тут внизу и завтра в 12 часов на перевязку.

Все выполнил, как велел, и на следующий день иду к доктору.

- Салам алейкум...
- Талон где?
- Ааа... щас пойду, простите, что забыл.

– Ничего личного, брат, капитализм, там наверху... Бегу так же по кругу, талон за 500 рублей и снова я у доктора. Промывание, боли, перекись

водорода, перевязка, последний узелок и доктор чувствует, что у пациента вопрос возник. Он это предугадал и опередил:

- Вы же хотели капитализм? спрашивает он меня, чтобы оправдать свои талоны, которые просят чуть ли не за каждый взгляд на больного, – вот вам и капитализм...
 - А где вы тут капитализм видите?
 - А что это?
- Что угодно, только не капитализм. При капитализме бывает конкурентная среда и рынок, спрос и покупательская способность, которые определяют цену за услугу. Вы, частная клиника, и государство – монополисты. Государство ворует деньги налогоплательщиков и оказывает отвратительные услуги, от которых бежим к вам, а вы, пользуясь их несостоятельностью, грабите нас чуть ли не за каждый чих. Это разве капитализм? Это бандитизм, рэкет, вымогательство – что угодно только не то, что вы говорите.
 - У вас все? спрашивает меня любезный доктор.
- Завтра в 12 часов на перевязку... Смотри, талон не забудь, ничего личного, брат, капитализм... они там наверху так решили...

В то время, когда мы с доктором выясняем, какая экономическая формация господствует в нашей стране, в государственной поликлинике заведующая по имени Элеонора красит ресницы и поправляет торчащие волосы. Три курса она окончила благодаря отцу и его деньгам. А после третьего Элеонора ни одного рубля у пахана не взяла. Дальше помогли Рафик и друзья – она с трудом вспомнила путь в ДГМА, когда шла диплом оттуда забрать. В поликлинику ее устроил пахан, чтобы люди правильно поняли. Она вряд ли помнит, что это за слово «капитализм», о котором спорят пациент и доктор частной поликлиники. Зачем ей это?

Магомед Бисавалиев

©+ ДАГЕСТАН №9 (132) сентябрь 2016 г.

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ Министерство печати и информации Республики Дагестан

> ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР АЛИЕВ М.И.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).

Телефоны:

67-02-03 (главный редактор) 67-02-08 (отделы) http://journaldag.ru E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040 КПП 057201001 УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490) Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала Р/С 40601810100001000001, БИК 048209001

Назначение платежа: 13500000000000000130 (л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций — свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационным технологий и массовых коммуникаций — свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии 000 «Издательство «Лотос».

Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 5. Тираж – 1500 экз. Номер заказа – Дата выхода –

Подписной индекс на год – 63280, на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Эдуард Эмиров

Есть же такие люди...

C. 4

Наида Хаспулатова

ФАПы,

газ и дороги

C. 9

Эдуард Эмиров

Война за умы *С. 12*

Владимир Севриновский

Трусам везет

Светлана Анохина

Кавказские

амазонки:

миф или реальность?

C. 19

Влада Бесараб

Большая культура в миниатюре *С.* 25

Магомед-Расул

Серебряное слово С. 29

Диляра Гайдарова

Монетка

C. 31

Александр Карапац

Предел притяженья

C. 35

Аслан Шатаев

Проклятый.

Последняя молитва

C.37

Эдуард Эмиров

ЕСТЬ ЖЕ ТАКИЕ ЛЮДИ...

Соктором Абдулой Набиевичем Гаджиевым я познакомился в 1999 году в Республиканском травматологическом диспансере. Помню, как он переживал за мою родственницу, которой делали операцию на шейке бедра. Он то и дело выбегал в коридор, где я томился и ждал, и сообщал мне о послеоперационном состоянии моей родственницы. Выскочив в очередной раз из операционной, он буквально прокричал: «Открыла глаза после наркоза...». Такая участливость и внимательность к чужим проблемам меня удивила. Подумалось: «Есть же такие люди... И откуда они берутся?».

В последующем мы подружились и нередко встречались на сессиях Народного Собрания, на которых он присутствовал как заместитель Председателя Комитета

по социальной политике, а я как парламентский корреспондент газеты «Новое дело». Меня, как журналиста, заинтересовал этот неординарный человек с чувством собственного достоинства, принципиальностью, природной скромностью и добротой.

Чем больше я узнавал о биографии Абдулы Гаджиева, о его родословной, об этапах его жизненного пути и карьерном росте, тем легче мне было ответить на вопрос: «И откуда они берутся?». Возможно, некоторые детали и штрихи из моей беседы с заслуженным

врачом РД, главным врачом Республиканского центра здоровья Абдулой Набиевичем Гаджиевым о сегодняшних проблемах дагестанского здравоохранения, долге врача, горском этикете дополнят портрет этого человека.

– Как Вы стали депутатом Народного Собрания?

– Я особо к этому и не стремился. В 1999 году я заведовал травматологическим пунктом Республиканского травматологического диспансера, и эта работа меня вполне удовлетворяла. Но дело в том, что я никогда не ограничивался только своей профессиональной деятельностью и постоянно поддерживал связь со своими земляками – со своими односельчанами, своим родным Ахвахским районом. И вот однажды инициатив-

ная группа из числа земляков предложила мне баллотироваться в депутаты Народного Собрания РД второго созыва (1999-2003 годы).

У нас в Дагестане издревле большое значение играет то обстоятельство, из какого рода ты происходишь, кем были твои родители, насколько авторитетны они были в селе, районе. К примеру, мой отец был ветераном Великой Отечественной войны, работал учителем, возглавлял местный колхоз, который носил имя героя Гражданской войны Муслима Атаева. За высокие тру-

довые показатели отец был награжден орденом Октябрьской революции.

Надо сказать, он был человеком с «активным общественным лицом». О его добрых делах и поступках помнят земляки. Мой дед по отцу также был очень авторитетным человеком, ученым-богословом, почитаемым сельчанами. Видимо, эти качества моих предков земляки увидели и во мне. К тому же из десяти братьев и сестер я самый старший, и привык, что ко мне идут за советом и помощью не только мои родные, но и односельчане.

- Расскажите немного о Вашей депутатской деятельности...
- Я был заместителем Председателя Комитета по социальной политике. Мы принимали самое активное участие в дебатах по формированию бюджета республики, отстаивали необходимость его социальной направленности. Наш созыв отличался тем, что превалировала живая работа с избирателями. Также мне пришлось помогать коллегам из Комитета по межнациональным отношениям, делам общественных объединений и религиозных организаций в подготовке и принятии закона о профилактике наркомании и алкоголизма. Принимал также участие – от имени дагестанского парламента – в слушаниях Комитета Государственной Думы ${\rm P}\Phi$ вопросов законодательного противодействия экстремизму. В 1999 году мне пришлось участвовать в мероприятиях по освобождению

нашего милиционера, которого держали боевики в сел. Бачиюрт Чечни.

Председатель Комитета дагестанского парламента Суракат Асиятилов даже предлагал мне стать его заместителем, но я отказал, мотивируя тем, что не могу подвести своих избирателей, которым обещал, что вся моя профессиональная и депутатская деятельность будет связана непосредственно со здравоохранением. В нашем парламенте не сформировалась так называемая «врачебная фракция», но были представители нашей профессии, которые отличались принципиальным подходом к делу, решительным и компетентным отстаиванием интересов не только здравоохранения республики, но и всех других проблем жителей республики.

Мое участие в работе федеральных структур власти в период с 1999 по 2003 годы, когда я имел честь представлять наш регион, а также в деятельности Конгрессов общественной организации «Лига «Здоровая нация», руководимой известным кардиологом Лео Бокерия, – предоставило ценнейший жизненный опыт. Кроме того, в самой республике практика тесного взаимодействия министерства здравоохранения и специалистов по направлениям в рамках рабочей группы по совершенствованию системы здравоохранения для меня лично была полезна в последующей моей деятельности в должности заместителя министра здравоохранения, которую я занял после окончания депутатских полномочий в 2003 году.

- После прихода в министерство появились ли у Вас единомышленники в законодательном органе, в равной степени заинтересованные в развитии здравоохранения республики?
- Будучи заместителем министра, я курировал направление, связанное с взаимодействием с парламентом, так как имел опыт депутатской работы. Следует сказать, что сегодня принимается много хороших законов, программ, но многие из них не претворяются в жизнь, как говорится, «повисают» в воздухе. Есть, к примеру, такая федеральная программа «Земский доктор». Эта программа, принятая еще в 2011 году, должна реализовываться на основе софинансирования –

из федерального и республиканского бюджетов. Более 200 человек были направлены в сельскую местность республики по этой программе на основе договора на 5 лет. Для нашей республики это было благом, так как в сельской местности не хватало квалифицированных специалистов. Предполагалось выдать 1 млн руб. каждому. И что же? Средств для финансирования программы не нашлось... и большая часть энтузиастов вернулась обратно, другая часть – «на чемоданах». Конечно, программа носит рекомендательный характер (то есть, реализуется при наличии средств), но мы должны быть патриотами республики, наконец, государственниками, и деньги надо было изыскать. К сожалению, среди субъектов, сорвавших эту программу, оказался и Дагестан. Разве не обидно?!

Народное Собрание заложило на эти цели в бюджет 2016 года средства, но до сих пор в Минздрав деньги не поступили. И опять программа под угрозой срыва. К сожалению, не все, что принимается на федеральном и региональном уровне, исполняется в срок.

И еще. Остро стоит вопрос лечебного питания в стационарах. Если посмотреть, к примеру, суточный рацион питания для больного туберкулезом, онкологией или пациента психиатрического диспансера, то об эффективности лечения не может быть и речи, даже при наличии

самого высокотехнологичного оборудования. Думаю, что вот над этим и должен быть контроль со стороны парламента и Общероссийского народного фронта ($OH\Phi$).

Или взять, к примеру, специфичный для нашей республики вопрос медицинского обслуживания наших отгонных пастбищ. Многие ФАПы (фельдшерско-акушерские пункты) местными чиновниками закрыты, из-за хлопот с их обеспечением – как говорится, «нет ФАПа – нет проблем». Сегодня ситуация улучшается, соответствующие программы приняты и Министерством сельского хозяйства, и другими профильными ведомствами.

И еще. В народе бытует такое поверье, что каждый новый глава района «приносит под мышкой нового главврача». На самом деле в этой шутке есть и доля правды – надо ведь заручиться поддержкой большого отряда медицинских работников на выборах; одним словом, важна лояльность к главе района, а не деловые и профессиональные качества.

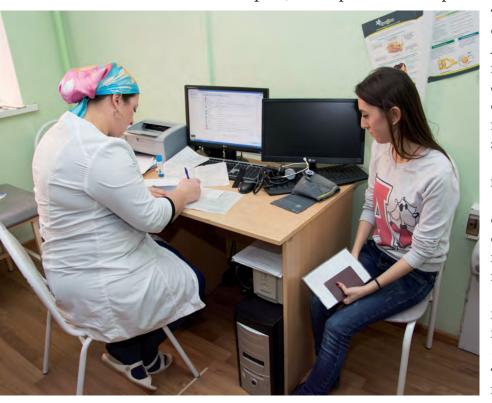
Чего греха таить, такие явления у нас еще имеют место. Переподчинение Минздраву поликлиник и больниц изменило положение дел в лучшую сторону, однако с глав администраций никто не снимает решение социальных и бытовых вопросов медработников, содействие в проведении лечебного обследования жителей

того или иного населенного пункта, организации детских оздоровительных лагерей и т. д. Не может глава района проходить мимо этих важных вопросов, мотивируя тем, что это уже не его епархия. Нельзя забывать, что муниципальное образование любого уровня – это самая близкая к людям власть.

– Видят ли чиновники более высокого уровня эти проблемы?

– Уверен, что и в Законодательном собрании республики, и в Правительстве нет людей, не заинтересованных в развитии родной медицины, прав наших граждан.

Конечно, не все так плохо. Многое удалось осуществить. К примеру, введен кардиологический центр на «Черных камнях» вблизи Махачкалы, там установлено современное медицинское оборудование. Это большое

подспорье для республики, жители которой раньше выезжали за медицинской помощью в Москву, Санкт-Петербург, Астрахань и другие города страны. Большую поддержку получила Республиканская грязелечебница, которая была в крайне запущенном состоянии. Улучшена материально-техническая база Республиканской больницы по оказанию скорой и экстренной

помощи. В Хасавюрте введен современный перинатальный центр. Также в этом году предполагается сдача на территории Детской республиканской клинической больницы перинатального центра.

- Как, на Ваш взгляд, осуществляется подготовка кадров нашими медицинскими учебными заведениями?
- Как говорил Расул
 Гамзатов еще в 90-е
 годы прошлого века,
 «разве можно хорошо

себя чувствовать в таком больном обществе». Подбор абитуриентов в вузы и средние учебные заведения еще не на уровне. Среди тех, кто идет по целевому набору, оказываются близкие родственники главы района или города, но ведь только этого фактора недостаточно – нужны те, кто не мыслит себя без медицины, кто осознанно выбрал эту профессию. Это беда, когда в такой «чувствительной» сфере, как медицина, появляются так называемые «попутчики», которые при первых же трудностях в профессии готовы «соскочить» с жизненного поезда.

Это, с одной стороны. А с другой, говорить, что медакадемия или техникумы и вузы выпускают лишь брак, значит грешить против истины. Мы гордимся выпускниками, работающими в других российских субъектах, они показали себя с лучшей стороны, без них не мыслят себя многие медицинские коллективы.

Конкретные примеры. Заведующим нейрохирургическим отделением областной больницы в Твери работает выпускник Дагмедакадемии Шамиль Максудов, которого пригласили его коллеги, знающие дагестанца как хорошего врача и организатора. Лучшим специалистом по детской онкологии в Калужской области считается наш земляк Султан Шахбазов, который к тому же руководит Национально-культурной автономией калужских дагестанцев.

Выходец из моего родного Ахвахского района

Гамзат Таймасханов 15 лет живет и работает в Волгоградской области, возглавляет отделение хирургии в г. Урюпинске. К счастью, к нам возвращаются многие дагестанцы, прошедшие хорошую школу по специальности в других регионах, в том числе в Москве, и становятся востребованными в здравоохранении республики.

Думаю, что появление негосударственных медицинских учебных заведений

способствует повышению качества знаний выпускников. С успехом прошли все проверки и подтвердили свой высокий статус Дагестанский стоматологический институт и Дагестанский медицинский колледж имени Башларова. Требования к учащимся в этих учебных заведениях достаточно высокие, и эту тенденцию можно только приветствовать.

К примеру, в колледже имени Башларова с особым усердием изучаются вопросы этики и деонтологии врачебной жизни как неотъемлемой части исламской медицины. В связи с этим мне вспоминается замечательный человек, настоящий Доктор с большой буквы, известный кардиолог Магомед Серажевич Серажев, который когда-то был «земским доктором» в Хунзахском районе. Не могу не вспомнить моего учителя и наставника и в медицине, и в жизни главврача роддома № 2 Ризвана Алирзаевича Каримова. Народный врач РД Магомед Омарович Заидов четверть века отработал заместителем главврача Республиканской клинической больницы, он и

сегодня в свои восемьдесят пять лет в строю. Для них вопросы медицинской этики были не пустым звуком или теоретической выкладкой, а выстраданной практикой нахождения в профессии.

Что подвигло Вас создать Центр?

– Меня и моих единомышленников поразило то обстоятельство, как у россиян и дагестанцев, в том числе, низок уровень ответственности по сохранению и бережному отношению к собственному здоровью. Мы все вместе должны стремиться сохранять то, что «ни за какие деньги потом не купишь»... Поэтому в создании Центра не только моя заслуга. Была принята подпрограмма «Здоровая Россия» приоритетной Программы «Здоровье», и с 2009 года она стала реализовываться. Программа нацелена на реализацию мероприятий профилактического характера и пропаганду здорового образа жизни и, в частности, так называемых социальных заболеваний. То есть, речь идет о раннем выявлении и предупреждении этих болезней. В республике создано 8 центров здоровья (из них 3 детских) - в Махачкале, Буйнакске, Кизляре, Хасавюрте, Дербенте. С 2012 года стал функционировать Центр, которым руковожу я. Кроме того, на наш Центр еще возложена и методическая функция. Мы координируем работу вышеназванных центров и поддерживаем контакты с районными и городскими медицинскими учреждениями по вопросам пропаганды здорового образа жизни.

Тогдашний министр здравоохранения РД Ильяс Мамаев предложил мне несколько ответственных и заманчивых должностей, но я выразил желание возглавить именно этот Центр, так

как вопросы пропаганды здорового образа жизни мне ближе: я курировал их, будучи заместителем министра здравоохранения. И вообще, эта работа мне по душе...

– Расскажите немного о деятельности вашего Центра?

– Сегодня в Республиканском центре мы предлагаем раннюю диагностику, профилактику, ЭКГ, компьютерную спирометрию, экспресс-анализ крови и холестерина крови, выявление риска глаукомы, компьютерную диагностику зрения и т. д. Эти и другие виды обследования проводятся на базе новейшей аппаратуры. Пациент проходит полный терапевтический осмотр, на основе которого составляется индивидуальная программа оздоровления. Кроме того, пациенты получают рекомендации по образу жизни после обследования.

– Сейчас один из самых «больных» вопросов, как нам кажется, вопрос с очередями в поликлиниках. А как у Вас, очереди на прием бывают?

- У нас очередей нет. Каждый желающий может записаться на прием в наш Центр. Мы принимаем всех, независимо от места проживания при наличии паспорта и страхового полиса. Для того чтобы пройти обследование в Центре здоровья совсем не требуется направление врача-специалиста. Он только может посоветовать Вам пройти его. Житель любого отдаленного населенного пункта может записаться на прием в удобное для него время. На посетителя, обратившегося в Центр здоровья, заводится личная карточка. Также в Центре работает «Школа здоровья». Главная задача Центра – помочь людям более внимательно отнестись к своему здоровью и не допустить развития хронических заболеваний. Конечно же, фармацевтические достижения современной медицины способны впечатлить. Но так же достоверно известно, что лечить заболевания только при помощи таблеток нежелательно. И мы в случае необходимости предлагаем и немедикаментозное лечение, проверенные временем методы восстановительной медицины. Желаемый результат может быть только при совместной работе специалиста и самого человека. Наша задача – направить человека в правильное русло, использовать те наши знания и практики, которые помогут и подойдут именно ему...

ФАПЫ, ГАЗ И ДОРОГИ

🗖 жалобах сельских дагестанцев на отсутствие дорог, газа, воды, недостаток и

решили узнать у директора ГКУ РД «Дагсельхозстрой» Муталипа Муталипова. Организацией этой он руководит с 2014 года, но со строительством связан всю жизнь: работал начальником ремонтно-строительной группы Тляратинского района, главным инженером межхозяйственной строительной организации, зав. отделом коммунального хозяйства, занимался строительным бизнесом.

– Муталип Куклибегович, кто выделяет средства на сооружение соцобъектов?

– Мы являемся подведомственным учреждением Министерства сельского хозяйства и про-

довольствия РД, и по его поручению реализуем федеральную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». В основном занимаемся социальным развитием сельских территорий: внутрипоселковыми газопроводами среднего и низкого давления, водоотведением, строительством фельдшерско-акушерских пунктов, школ, садиков. Мы целиком финансируемся из федерального и республиканского бюджетов. Программой предусматривались внебюджетные источники финансирования, или инвесторы, но их пока нет.

– Из-за длительного экономического кризиса по России сильно урезаны социальные расходы. А как с вашей программой, она осталась в прежнем объеме?

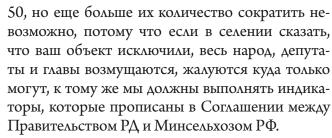

– В 2014-м, когда я стал руководителем, мне сказали, что годовой бюджет нашей организации составляет около 900 миллионов рублей, и вдруг его неожиданно сократили в два раза. Какой будет бюджет на следующий год, не знаю, но федеральный бюджет выполняет свои обязательства на 100%, а республиканский бюджет постоянно

недофинансируют. Дагестан по этой программе финансируют щедрее, чем все остальные регионы. Потому что у нас большая территория, много населения, при этом очень слабая инфраструктура и нет больших хозяйств – колхозов, совхозов, агрохолдингов, которые в состоянии решать хоть какие-то проблемы.

- Кто решает, что и где вы должны строить?
- Это прерогатива правительства, мы вносим свои

предложения, министерство экономики ведет отбор, их рассматривают и одобряют Правительство и Народное Собрание Дагестана. В условиях сокращения финансирования определиться очень нелегко. За три года моей работы мы не начали ни одного нового объекта – доводим давно начатые стройки, но все равно денег на все объекты не хватает. В этом году 80 млн рублей дали на школы, а потребность в них раз в десять больше. Получается, что мы распыляем бюджет – нового ничего не строим и вынуждены направлять средства на почти законченные стройки, чтобы их сдать. В этом году из 130 объектов оставили

- Какие объекты в этом году уже сданы в эксплуатацию и что собираетесь сдать?
- Было поручение Президента России завершить плоскостное спортивное сооружение в селении Кочубей Тарумовского района. Хотя средств на него не было объект стоит 11 миллионов, выделено было всего 3, но мы его к 1 сентября этого года сдали. Также было поручение Владимира Путина завершить до первого декабря в

селе Сивух Хасавюртовского района строительство водопровода. В объект входят 27 км самого водопровода, 2 резервуара по 500 куб.м и водонапорная башня. И хотя из 72 миллионов, необходимых на строительство, профинансировано всего 18, мы его на днях торжественно откроем. В таких ситуациях нам очень помогают подрядчики: они вкладывают собственные средства, а потом мы потихоньку с ними расплачиваемся.

Сейчас мы газифицируем села Ахты, Кавкамахи Акушинского района, Авадан и Мискинджа Докузпаринского района, Первомайск в Каякентском районе, прикутанное хозяйство

Хамзаюрт в Казбековском.

Мы строим несколько новых школ – в Новокаре Бабаюртовского района на 320 мест, школу на 514 мест в селении Наскент Левашинского района, в селах Ибрагимотар Тляратинского района, Хачта Хунзахского района, Канциль Хивского района. Ежегодно сдаем хотя бы одну школу.

Сдали за последние годы 61 ФАП – почти во всех районах с добротными типовыми помещениями, сдаем ежегодно 4500 кв. м благоустроенных плоскостных спортивных сооружений.

– Сейчас горцы массово уезжают на равнину. Как Вы считаете, имеет смысл в этой ситуации государству что-то строить в горах?

– Есть многие горные районы, куда люди возвращаются; выходцы этих сел, давно живущие в городах, строят себе дома, и лето проводят там, обрабатывают свои земельные участки, сажают сады. Там, где есть перспектива, где наблюдается рост производства сельского хозяйства, мы и должны планировать объекты: строительство, например, крупного коровника или птицефабрики, возделывание садов и виноградников.

– Один из предыдущих руководителей Вашего учреждения был осужден за коррупцию. И вообще, именно строительство социальных объектов считается одной из самых коррупционных сфер. Были ли случаи заведения уголовных дел на ваших сотрудников в последние годы и что Вы делаете, чтобы с этим бороться?

– Нас каждый год проверяют Счетная Палата РД или Службы государственного финансового контроля. Совместно с УБЭП МВД РД и прокуратурой в прошлом году было заведено одно уголовное дело по строительству водопровода в селении Ленинаул Казбековского района. Глава села попросил подрядчика не ставить колонки, а на эту сумму отдать трубы, чтобы провести водопровод в каждый дом, которые не были предусмотрены в смете. Подрядчик самовольно их отдал, не согласовав с заказчиком, на него завели уголовное дело, следствие еще не закончено.

– Почему социальные объекты такие дорогие, ведь у частников такие стройки обходятся дешевле?

– Мы все проекты отдаем на госэкспертизу, только потом они финансируются. Мы тоже сталкиваемся с тем, что один и тот же резервуар у одних подрядчиков в смете стоит 5 миллионов, у других 10, но мы даем замечания и заставляем вносить изменения в смете. Все заказы размещаются на электронных торгах, в которых может участвовать любая фирма. Московские фирмы несколько раз выигрывали.

– Что можно изменить, чтобы в условиях кризиса государству более эффективно тратить средства на развитие инфраструктуры?

– Кардинально поменять невозможно, но надо больше внимания обращать на те территории, где возможен рост сельского хозяйства.

В нашу программу также включены сельскохозяйственные дороги. Мы предложили именно те дороги, которые ведут непосредственно к производителям продукции. Например, в Бабаюртовском районе около Львовских номеров есть дорога Камбулат, которая ведет к хозяйствам 7 районов республики. Были случаи, что вывозил человек мясо на базар, застрял, вытащить машину смогли только через два дня и за это время все мясо испортилось. Мы тоже ездили осмотреть дорогу – даже на джипе проехать было трудно. Если эту дорогу сделать, там будет большой рост сельскохозяйственной продукции. Опыт других стран показывает, что при нормальных дорогах в несколько раз повышается производительность предприятий.

Сельскохозяйственными дорогами занимается «Дагавтодор», Минсельхозпрод РД вносит свои предложения на строительство необходимых дорог, однако не все они попадают в программу. Такое необходимое направление почему-то оставлено без нужного внимания. А ведь если в населенные пункты будут проложены нормальные дороги, следом за ними придут и газ, и вода, и начнет возвращаться молодежь, и обязательно будет рост сельского хозяйства, да и всей экономики.

В следующем году обещают увеличить финансирование, но пока ни точных цифр, ни объектов на следующий год нам еще никто не определил.

Эдуард Эмиров

война за умы

Редакция журнала «Дагестан» получает письма, в которых читатели предлагают чаще поднимать вопросы взаимодействия государства и религиозных организаций в вопросах противодействия экстремизму и терроризму с учетом специфики республики, являющейся самым молодежным субъектом России. Какова опасность «электронной экспансии» со стороны радикалов за умы молодых? На этот и другие вопросы мы попросили ответить директора Автономной некоммерческой организации «Центр исламских исследований Северного Кавказа» Руслана Гереева.

- Очевидно, что молодежь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, выгодно отличающим ее от других групп населения. Именно молодые люди быстрее приспосабливаются к новым условиям жизни. Это, с одной стороны. А с другой, созданы ли условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи?
- Скажу так: анализ и прогноз условий развития России и Дагестана, в частности, а также проблемы молодежи в ближайшие десятилетия выдвигают требования по выработке нового подхода к государственной молодежной политике. Необходимо создавать условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, а также возможности для самостоятельного и эффективного решения молодыми людьми возникающих проблем. Такой подход будет способствовать улучшению качества жизни молодого поколения и развитию страны в целом. Для нашей республики, в которой уровень оттока талантливых и амбициозных молодых людей очень высок, проблемы молодежной среды являются особенно важными и актуальными. Конечно, отсутствие системы поиска талантливой молодежи приводит к духовным и экономическим потерям в Дагестане, как и во всей стране. В последнее время эта ситуация в республике на-

чинает меняться, но ощутимых показателей, к сожалению, еще нет. Принят ряд республиканских целевых программ, ориентированных на выявление и стимулирование одаренных детей и т.д.

- Если мы говорим о специфике республики, то для нас одной из серьезных проблем является распространение в молодежной среде экстремизма и терроризма как формы или варианта тактики политической борьбы, связанной с применением насилия...
- Согласен. Экстремисты вовлекают в свои ряды молодых, многие из которых уходят в «леса» и регионы, в которых происходят вооруженные (военные) конфликты. В основе этого явления лежит социальная неустроенность молодежи. Настал такой период, когда за молодежь приходится бороться, по сути, идет необъявленная война за умы молодого поколения. Работа с молодежью так запущена, что оперативность, с которой приходится ныне работать структурам по делам молодежи, по ситуации сравнима с оперативными сводками МВД. Идеологическая работа ведется по всем направлениям. И наша республика только в начале пути, где-то эта работа эффективна, а где-то нет.

Совершенно очевидно, что по вовлечению молодежи в те или иные экстремистские организации работают подготовленные для вербовки люди, прошедшие курсы психологического

воздействия на личность, они хорошо изучили проблемы молодежи и вовлекают тем самым неподготовленную молодежь в свои ряды.

– Но ведь уход молодежи в «леса» не всегда связан с социальной неустроенностью...

– Да, в большинстве случаев налицо слабая воспитательная работа в семье, школе, неумение взрослых выслушать молодежь, дискутировать с молодежью. Сегодня ведется работа со всеми общественными организациями нашей республики. Государством поддерживаются детские и молодежные общественные объединения, готовятся проекты создания молодежных центров. Проблема Дагестана еще и в том, что отсутствуют на местах рабочие кадры, знающие ситуацию в молодежной среде, нет четкого и, главное, досконального мониторинга происходящих этноконфессиональных процессов внутри республики. Нет на сегодняшний день институтов, готовых во взаимодействии с муниципальными образованиями городов и районов оказывать помощь в подготовке кадров для молодежных центров.

Для нашей республики, в которой уровень оттока талантливых и амбициозных молодых людей очень высок, проблемы миграции и эмиграции находятся в центре особого внимания государственных и общественных органов. Большую роль в этих проблемах играет отсутствие налаженной системы поиска талантливой молодежи, что в итоге приводит к духовным и экономическим потерям в Дагестане, как и во всей России.

За последние годы немало молодых людей – дагестанцев, выехало и продолжает выезжать за рубеж на учебу, но никто не знает, о каких вузах идет речь. Немало случаев, когда дагестанцы возвращаются из заграницы эмиссарами экстремистских религиозных организаций. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос: кем и как осуществляется работа в этом направлении?

Зачастую после возвращения на родину они теряют в значительной мере чувство российской гражданской идентичности. До сих пор остается неизвестным точное количество дагестанцев, обучающихся в исламских центрах стран Ближнего и Среднего Востока. За последние годы государственные и муниципальные органы власти, правоохранительные органы нашей республики накопили богатый положительный опыт противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму. Большую

работу по идеологическому противодействию исламскому радикализму в регионе ведут религиозные деятели, ученые, представители различных партий и общественных, в том числе и молодежных, объединений. В республике создана комиссия по противодействию религиознополитическому экстремизму и терроризму, по мере возможности контролируется реализация печатной, аудио- и видеопродукции, способствующей активизации идеологии религиознополитического экстремизма и терроризма.

Главным средством противодействия распространению экстремизма должна стать активная пропаганда духовно-нравственных ценностей и традиций наших народов: патриотизма, веротерпимости, присущего обостренного чувства ответственности за судьбу будущих поколений, векового опыта преодоления жизненных трудностей совместными усилиями.

Одним из важнейших принципов программы противодействия религиозно-политическому экстремизму должны стать достижения конкретных результатов в улучшении ситуации по борьбе с религиозным экстремизмом. На страницах республиканских и районных газет регулярно публикуются специальные репортажи, направленные на активизацию борьбы против политического и религиозного экстремизма, пропаганду здоровых традиций и обычаев народов Дагестана, укрепление их единства. Оказывается регулярное информационное и консультативное содействие администрациям муниципалитетов по возникающим вопросам молодежной среды, по противодействию экстремистской деятельности на территории республики.

- Не секрет, что в интернет-сети очень много сайтов и порталов экстремистского содержания, открыто призывающих нашу молодежь к межконфессиональной войне. Достаточная ли работа проводится по ограничению деятельности таких электронных ресурсов?
- К сожалению, их количество меньше не становится, и это нас тревожит. В социальных сетях с определенным постоянством появляются новые формы распространения радикальных идеологий, рассчитанных на молодежь.

Только на Северном Кавказе функционируют десятки Интернет порталов с призывами экстремистского и террористического толка. Когда органы правопорядка закрывают к ним доступы

в связи с требованиями законодательства Российской Федерации, они меняют места расположения, серверы, домены, систему опознавания и другие внешние атрибуты. Последствия такой «электронной экспансии» могут быть самыми плачевными для нас. В основном такая ситуация сложилась из-за отсутствия законодательства, регулирующего интернет-пространство.

Именно сейчас важно не ослаблять идеологическую работу против религиозно-политического экстремизма, активнее привлекать государственные и правоохранительные органы, местное самоуправление, общественность, ученых, деятелей культуры и духовенства. Мы можем и должны организовать достойное противодействие всему, что мешает нам демократически развиваться, оказывать друг другу максимальную помощь и вместе идти к единой цели. Здесь причина также и в отсутствии специалистов по электронным программным продуктам. На Северном Кавказе, и в частности в Дагестане, радикалами-джихадистами используются специальные технологии, расширяющие возможности сетевых сайтов и целевых интернет порталов, что дает возможность постоянно рекрутировать в свои ряды молодежь, готовую стать на путь войны за чистоту ислама. Взламывая сайты, кибер-террористы получают доступ к разной информации, в том числе секретной. С этим надо бороться всеми силами, сообща, а не перекладывать проблему только на правоохранительные структуры.

В государственных ведомствах мало осталось людей, владеющих навыками информационных технологий, потому сайты госорганов, особенно идеологических ведомств пока не могут оказать информационного противодействия. Несмотря на это, на сайтах государственных ведомств со-

здаются страницы по противодействию религиозно-политическому экстремизму и терроризму в молодежной среде Республики Дагестан.

За молодыми людьми сегодня идет настоящая охота и со стороны нетрадиционных религиозных организаций, так называемых сект, от имени которых очень активно функционируют миссионеры их церквей. Много молодых этнических дагестанцев уходят в новоявленные христианские и иные структуры, которые морочат голову нашей молодежи, разрушают их семьи. В этом секторе тоже предстоит огромная работа и государственным органам, и общественным организациям Республики Дагестан.

– A какова может быть здесь роль традиционного духовенства и религиозных организаций?

 Дагестан – самый древний уголок ислама в России. Он был и до сих пор остается форпостом суннитского ислама на всем Кавказе. Здесь влияние ислама на сознание, психологию и быт мусульман по сравнению с другими соседними республиками с мусульманской идентичностью значительно выше, в том числе и на мусульманском пространстве Российской Федерации в целом. Особенно важна роль религиозных объединений и организаций в подготовке и создании широкого мнения о единстве и идентичности мусульман. Знания, которые распространяются сегодня посредством институтов религиозных организаций, носят не только теологический характер – духовные учебные заведения Дагестана являются центрами просвещения, дающими широкие возможности получения знаний. Одной из основных проблем в этом направлении является отсутствие научной составляющей в образовательном процессе Дагестана. Это единственное упущение сегодня, которое наносит огромный урон религиозному образовательному процессу в республике, но при должном внимании к данному вопросу со стороны курирующих госорганов эта сфера станет перспективной и важной с точки зрения пропаганды традиционных культурных ценностей.

Процесс исламизации развивается настолько стремительно, что некоторые его последствия осознаются обществом слишком поздно, когда исправление ситуации требует уже значительных усилий. Исходя из этого, в данном направлении необходимо сплочение всего общества, а также усиление работы по укреплению государственно-конфессиональных связей.

Владимир Севриновский

ТРУСАМ ВЕЗЕТ

https://etokavkaz.ru/redkiispetcialist/trusam-vezet

Как устроены собачьи бои и можно ли их запретить, сколько стоит пес-чемпион и насколько важна родословная. И вообще — для чего Бог дал нам живность? Откровения дагестанского заводчика.

«Первым в линии был Каплан. Он взял все титулы и стал главным производителем. Гороч, его сын, выступал не хуже отца. Буйнак, сын Гороча, стал чемпионом Кавказа. От него пошли Пират, Нельсон...»

В благоговейном перечислении кобелей чудятся библейские мотивы. Как и в окрестном пейзаже - скудной речке, щербатых камнях и нависающей над жилищем Багина Бахулова скале, из-за которой его топчан и клетки щенков стоят почти что в пещере. Здесь, в горах неподалеку от Согратля, собачий тренер проводит все лето. Поджарый, жилистый, большеголовый, он сам похож на своих питомцев, а его обложенная камнями каморка под естественной крышей на волчье логово. Прядает ушами общительный ослик, которому скоро суждено превратиться в еду. Кавказские овчарки с купированными ушами подходят к гостям, тычут мокрыми носами в объектив. Сложно представить, что эти благодушные зверюги на ринге будут рвать соперников зубами и драться до последнего. Ведь Багин – один из лучших в Дагестане поставщиков псов для тестовых испытаний, более известных как собачьи бои. По всему миру защитники животных требуют их запрета. Но насколько страшны

эти поединки? Что толкает на участие в них? Жажда наживы? Азарт? Жестокость? Багин качает головой. Он уверен – даже миром кровавых собачьих драк правит любовь.

СТРАХ И ВЕРНОСТЬ

- Как вы стали собачьим тренером?
- Сколько себя помню, у меня были петухи и собаки. С детства их люблю. У нас весь тухум такой. Если не любишь животных, ничему их не научишь.
 - Какие псы становятся чемпионами?
- Собака должна быть шустрая, крепкая, не слишком низкая. Но главное это характер. Остальное приложится. Тренировки только силу дают. Моих кобеля с сучкой отпустить они сами поднимутся на макушку горы. Им нравится бегать. А из бесхарактерного ничего не сделаешь. Щенки глаза открывают и сразу видно, какими они вырастут. Процентов семьдесят угадываю правильно. К примеру, если от

запаха волка или другой опасности шерсть на спине поднимается, это – нехороший знак, признак трусости.

– Откуда вы для таких проверок волков берете?

– Однажды я сам вырастил волчицу, по прозвищу Майчик. Охотники мать убили, а малыша пожалели, отдали мне. Волчата сильно отличаются от щенков. У них в восемь дней глаза открываются, а у собак – в тринадцать-четырнадцать. Когда их поишь молочной смесью и забираешь бутылочку, волчонок цепляется, не отпускает. Кормил я Майчик так же, как щенков, – бульоном, мясом, но через пару месяцев она начала худеть. С ветеринарами советовался, лекарства пробовал – бесполезно. Потом понял, что на воле волк раз в сутки набьет брюхо – и

отдыхает. Навалил ей сразу гору ошпаренной требухи – мигом заглотила. Поправилась, выросла так, что даже щенков обогнала. Знакомых она не боялась, и они ее тоже. Когда сюда приходили чужие люди, бродила вокруг по спирали, подбираясь все ближе. А как только я выходил, становилась рядом. Однажды утащила курицу, так я ее шлангом лупил, пока не обмочилась. После этого при виде гуляющих кур она убегала. У меня одна сучка с ней не ладила, и отдал я Майчик на лето другу-пекарю. Осенью приезжаю, а он жалуется: люди в пекарню ходить боятся. Я позвал ее – сразу прибежала. Всего четыре месяца не виделись, а уже серьезный зверь вымахал. Увидела меня – и

давай прыгать, танцевать, шею лизать. Я покормил волчицу с рук, посадил в вольер и ушел – место готовить, чтобы забрать ее. Возвращаюсь, а он Майчик убил. Сказал, она уйму мешков из пекарни вытащила и разорвала, вот и не стерпел. В этом году предлагали волчат, но я не взял – у них уже глаза открылись. Если волк увидел свет, он преданным не станет. Такого только на цепи держать. А Майчик свободная была.

- Как тренируют собак?

– Каждому псу нужна особая программа. Гороч упражнялся сам по себе. Тренер его отводил в три часа утра на пару километров от села – пес живность не любил, на коров нападал, как на собак. Там он гулял до вечера. Некоторые тренеры кобелей за машиной гоняют, гири к ним подвешивают, колеса цепляют... Сам я не сторонник такого.

– Бывает, что бунтуют?

– Я их с младенчества учу. Как они взбунтуются? Кавказским псам жесткость нужна. Когда не слушаются, луплю. Если собака не боится хозяина, хозяин будет бояться собаки.

- А чему вы сами научились от собак?

– Однажды в мае выпал снег с градом. Не лучшая погода для собачьих прогулок. Я собирался в селение. По дороге идти нельзя: овчарки за мной увяжутся. Тогда я перешел речку вброд, обулся и отправился по делам. Через семь часов вернулся – собак нет. Ищу, а они на берегу сидят. Меня ждут. Так я научился ценить друзей и любить их, как они любят меня. Брат не всег-

да спасет, а верная собака за тебя умрет. Если упадешь со скалы, она заскулит, но кинется за тобой. Но некоторые псы – как люди, им все до лампочки.

ЛЮДИ И СОБАКИ

- Кстати о людях. Как владельцы бойцовых собак относятся к соперникам?
- Собачники все братья. Помогают друг другу. Стоит позвонить любой вопрос решат. Вместе ходим в гости, на рыбалку, на свадьбы. Иногда во время боя ругнешь соперника, но это просто эмоции. Потом обнимешь его, словно ничего и не было.
 - Насколько важен размер собаки?
- Каждый сражается в своей весовой категории. Есть даже кобели весом 106 килограммов. Умный тяжеловес душит, давит массой. А шустрый, легкий боец, бывает, так измотает соперника, что и собака покрупнее проигрывает.
- Ну просто четвероногий Мохаммед Али! Порхать как бабочка и жалить, как пчела... Английский этнограф Роберт Ченсинер писал в книге про Дагестан о местном собачнике. Тот рассказывал: если его питомец выигрывает, он дерется регулярно, а если проигрывает, ему дают год отдыха, чтобы забыл о поражении.
- Некоторые псы после проигрыша вообще отказываются сражаться на том же ринге. Редкое явление, но я с ним сталкивался. Обычно собаки дерутся ежемесячно, с октября до апреля или начала мая. И так каждый год, пока позволяет возраст. До шести, семи лет.
 - A потом?
- Старятся и своей смертью умирают. Их же не убъешь. Сын Гороча, дедушка моих щенков, прожил у меня четырнадцать лет. В прошлом году 28 ноября умер. Я его с первого дня выхаживал. Он здесь вырос. Хорошо места знал. Сутками гулял повсюду, но людям и живности не вредил. Только не давал себя обижать и гладить.

СОБАЧЬЯ СУПЕРЛИГА

- Как устроена система чемпионатов?
- Победитель чемпионата Дагестана в следующем году идет на чемпионат Кавказа. Там уже серьезный главный приз машина. Победитель этих соревнований выходит на чемпионат России. Потом на главный турнир, Суперлигу. Она обычно проводится в Ставрополе в октябре. По правилам туда допускают только

кобелей с титулами. Участвуют в Суперлиге исключительно кавказские и азиатские овчарки. Никаких бультерьеров – они в Америке дерутся. Там все иначе – как в боях без правил. Огромные ставки, проигравшая собака часто гибнет. У нас серьезные травмы – редкость.

- Кто обычно выигрывает Суперлигу?
- В основном потомки Каплана. Его хозяином был борец Руслан Караев. Он купил кобеля в советское время то ли за 14, то ли за 18 тысяч рублей. Я продолжаю линию Каплана и его сына Гороча.
 - Иностранцы на соревнования приезжают?
- Постоянно участвуют казахи. В позапрошлом году были турки, итальянцы, болгары. Многие иностранцы боятся везти собак на Кавказ, но скупают здесь большинство победителей. Китайцы проводят свои чемпионаты кавказских пород. У них тоже Суперлига есть. Очень хорошие бои и собаки. В прошлом году я продал правнука Гороча в Китай. После этого его дочерей сразу расхватали. А брат в Баку ушел.
 - Сколько стоят собаки?
- За щенка двух-трех месяцев от роду я выставляю 20–30 тысяч. Дадут хорошо, нет можно уступить. Нажиться на собаках нельзя. Все заработки воздушные деньги, сразу уходят. На еду, препараты от чумки. В Махачкалу надо ездить за желудками и требухой. Ишачьим мясом кормить. А если к бою готовишь, особое питание нужно.
- Я слышал, чемпион стоит целое состояние.
- Болтают про 2–3 миллиона, но это слухи.
 Их пускают, чтобы поднять в цене следующее

поколение. Цена овчарки не большая и не маленькая. На жизнь хватает – и ладно. Это как хобби. С бойцовыми петухами еще сложнее. Их откармливают зерном, орехами, медом... В Гунибе на день села обязательно проводят скачки и собачьи, петушиные, бычьи бои.

КАВКАЗСКАЯ КОРРИДА

- Здесь вроде быки такие мирные...
- Горские бычки очень дерзкие бывают. Если в селе есть хороший бычок и соперник того же возраста, обязательно на праздник пустят драться. Здесь даже бараньи бои проводят! Страшные. Как рогами стукаются чадах! Словно из ружья выпалили. Головами бьются, задницы откидывают, и падают оба. Бывает, и гибнут. Весь народ приходит на живность посмотреть даже больше, чем на борцов. Сельчане каждому гостю рады, только журналистов не любят. Те сделают передачу, поднимут скандал, а потом бои пытаются запретить.
- Разве они уже не запрещены по статье «Жестокое обращение с животными»?
- Это невозможно. Собачьи бои на Кавказе как коррида в Испании.
- Корриду во многих испанских городах больше не проводят. «Зеленые» борются за полный запрет.
- Все равно втихаря будут устраивать. Живность нам для чего бог дал? Резать и кушать. В корриде мне не нравится только, что в быка втыкают эти ... да, бандерильи. Они не убивают, лишь мучают. Их бы я запретил. А тореадоры добровольно идут туда и сами рискуют головой.

Имеют право. Человек, который не любит и не понимает собак, видит в боях исключительно боль и укусы. Он требует запрета. А я выращиваю щенков до четырех лет. Когда мало денег, лекарства им покупаю раньше, чем себе. Выхаживаю, готовлю и пускаю драться. Если боец заскулил, опустил хвост, сдался – собак немедленно разнимают. Какая тут жестокость?

- Но выглядит брутально рычание, кровь...
- У бойцовских собак кожа спереди как железная броня у рыцарей или грива у льва. Толстая и прочная. Собака с характером, если и больно, терпит. Если пес от укуса пищит, значит, он для боев не годится. Но мы трусов не убиваем и не выгоняем. Из них отличные охранники получаются. В Ставропольском крае полно волков, там большой спрос на таких собак. Бывает, пес не дерется с другими овчарками, но волков от стада отгоняет. А случается и наоборот. Однажды на соревнования привели волчару и притравливали на него собак. Даже некоторые победители смущались. Чемпион мира может испугаться волка, а трус будет биться насмерть. Тех же, кто ни на бои, ни в пастухи не годится, пристраиваем богачам для красоты. Таков был брат кобелей, купленных китайцами и бакинцами. Я его продал в Новороссийск. Прислали оттуда фотографию – лежит на диване, рядом дети, игрушки... Обычно трусам везет. Конура с черепичной крышей, бассейн, забор позолоченный. А чемпион надрывается и зализывает раны.

КАВКАЗСКИЕ АМАЗОНКИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Светлана Анохина

https://etokavkaz.ru/traditcii/kavkazskie-amazonki-mif-ili-realnost

ВРугудже живут женщины, чей крутой нрав известен всему Дагестану. Даже анекдот есть: «Эй, жена, там драка, ты почему дома сидишь?». А «любовь» здесь легко рифмуют со словом «кровь».

Мы идем по заснеженной, местами обледеневшей дороге, слева аул, справа крутой склон. Неверно ступишь, поведет тебя в сторону от усталости, от воздуха, который в горах кружит голову, или от слепящего солнца – и все. Рукиноги переломаешь, как минимум. А наша проводница Патит в щегольских сапожках на каблуках шагает уверенно. Патит – учительница истории и говорит так же твердо, как идет:

– Если муж умер, женщина уже черное не снимает. Если цветное наденет, получается, что забыла мужа. Бабушка рассказывала, рядом с ними молодая, очень красивая вдова жила. Так она, выходя из дома, обмазывалась старым вонючим курдюком. Чтобы мужчины на нее не смотрели.

- А зачем надо, чтобы не смотрели?
- Потому что она вдова. Так у нас положено...

РУГУДЖА - ЗНАЧИТ «РАНА»

Мы приехали в Ругуджу в пятницу днем, когда все взрослые мужчины собираются в мечети на джума-намаз — главную молитву. На петляющих улочках ни одной мужской фигуры, на площади лишь пустые камни. И возле домов нет вечных стариков в папахах, которые обычно всегда тут, сидят, уложив на палку тяжелые ладони, подпирают спиной и стену, и миропорядок. О мужском начале напоминает лишь голос муэдзина, зовущего к молитве. И сейчас так легко поверить, что не

врут легенды, и село это действительно принадлежит одним только женщинам.

В Википедии о селе Ругуджа написано немного: краткий перечень исторических фактов и достопримечательностей, печальная приписка: «Утеряны нар. промыслы: художеств. обработка металла и дерева, вышивка золотом, производство седел, кузнечное дело, обработка кож, резьба по камню». В XIX веке здесь жили и пели два классика дагестанской литературы: Эльдарилав и «дагестанская Сапфо» – Анхил Марин. И во всем Дагестане знают: женщины тут всегда были бойкие и своенравные, настоящие амазонки. Как же сегодня живут в этом селе, чье название переводится как «рана»? Есть ли здесь любовь или все подчинено традиционным запретам?

...Патит тоже вдова, уже пять лет как. Ей всего 25 было, когда муж погиб в аварии, оставив ее с двумя детьми.

– У меня хороший муж был, веселый. – Патит говорит легко, без горечи. – И не строгий совсем. Мог со мной под ручку пройти по селу и даже при родителях в щеку поцеловать. Мои братья сердились, у нас же так не делают, а он говорит: она уже не ваша сестра, а моя жена.

Патит идет и рассказывает про Ругуджу, про здешнее Бездонное озеро, в котором когда-то утонул целый всадник со своим конем. Хотел напоить коня, но что-то поманило его все глубже и глубже, а после его палец с кольцом всплыл в роднике, что за несколько километров. И про райские деревья, мол, неизвестные науке, даже имени им нет, а выросли из райского семечка, упавшего на землю. Возле них читают молитвы, просят у Аллаха помощи и защиты. Берут себе упавшие листья, землю из-под корней, а вот ветки брать нельзя, даже сухие, один человек срубил ветку, и Аллах его наказал. Самое дорогое забрал, сына.

– А еще у нас тут жил ученый-арабист Муса из Кудатли. У него книга была с заклинаниями, он их читал и каждую ночь летал в Мекку, а утром назад.

В самой сердцевине села, где улочки петляют, а стены домов высоки, где теряешь из виду солнце и понимание, где север и юг, в эту историю, похожую на арабские сказки, веришь сразу. Мы смотрим только себе под ноги, чтобы не

поскользнуться, и получается, что идем не за Патит, а за ее голосом. Голос ведет нас и рассказывает, рассказывает, про Мусу, и как он утопил в реке свою драгоценную книгу, и что река с тех пор называется Черной.

– Зачем утопил? Сын у него был...

Вон оно что, оказывается. Молод был сын, кровь играла, юность играла. Потому он выкрал книгу и стал превращаться во что попало: в траву, в дерево, в камень. И все для того, чтобы девушки, перепрыгивая через ручей, ступили на камень, прижались к дереву, упали на эту траву.

МУЖЧИНА ТАКАЯ!

– У нас в классе мальчики девочек боялись, мы их с первого класса били. – Маржанат в косынке, повязанной лихо, как у пирата, ставит на стол блюдо с хинкалом.

Крупные куски теста исходят паром, он заполняет собой всю небольшую кухню, и уже совсем не хочется расспрашивать Маржанат, почему же час назад она говорила о ругуджинках как о воплощении сдержанности и покорности.

– Я как-то старшего мальчика избила, как собаку. Повалила, сверху на него села и дубасила. Дедушка мой пришел, перед ним меня поругал. А потом дома говорит: «Правильно сделала. Только в следующий раз на мальчика не залезай, со стороны бей». А как женщины у нас между собой дрались, ууу! Пока не устанут! Заправляли

подол платья в штаны, чтоб не мешал, – и в драку. А с той, что проиграла, штаны стаскивали, вот прямо там, и это на весь тухум был позор! – Маржанат шлепает себя по коленям.

Зайнутдин, муж Маржанат, подхватывает тему:

- У нас камень есть, там написано, что никогда ругуджинцы мирно не жили, потому что тут разные роды и тухумы. Язычниками были дрались, христианами дрались, ислам приняли, все равно дерутся. И женщины у нас потому такие. Даже анекдот есть: «Эй, жена, там драка, ты почему дома сидишь?». Но если мужское дело, женщина встревать не должна. Так?
- Да, дорогой, конечно, дорогой! голос у Маржанат сладкий, как мед.

Они смеются, их дочери Саида и Сидрат тоже смеются. Не смеется только внук. Сидит молча, трогает ресницы время от времени, он их недавно постриг, а до этого еще подпалил. Слишком длинные были ресницы, как у девчонки.

В середине позапрошлого века такая вот «девчонка», совсем юная еще Анхил Марин, за грубое слово избила односельчанина так, что тот помер. Рассказывают: бубен свой в руках держала, им и ударила. В наказание Марин выслали из Ругуджи. Уехала, затем вернулась, да норов остался прежним. Прошло время, и она расквиталась с другим обидчиком, прокравшись в хлев и перерезав горло всем его коровам. И односельчанки ее были такими же.

– Мать моего деда, – говорит Патит, – всегда нож в сапоге носила. Потому что кровная месть,

понимаешь? Девушку убивать не должны, но могли опорочить.

- Опорочить это как?
- Ну, за руку схватить. Это как позор считалось.

ЛЮБОВЬЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВЕТ?

– Любовь? Нету у нас никакой любви. Баху краем платка обтирает рот и замолкает. По-русски она почти не говорит, поэтому Патит у нас за переводчика.

– Она, – рассказывает Патит, – вдовам молодым плачи сочиняет, мне вот тоже сочинила. В 48 лет начала, у нее самой сын умер, потом дочка умерла молодая еще, и горе так выход нашло.

Она приходит в дом, где кто-то умер, и так словами кидает, кидает, чтобы все заплакали. Человек, если не может выплеснуть то, что внутри, он же задохнется!

– **А любовные песни у вас сочиняют?** Патит смущена:

Не знаю, может, и сочиняют.

Баху снова начинает говорить на аварском. Кто не слышал, тому не рассказать, какой это язык, – он как сами горы, как клекот хищных птиц, как кипящие струи водопада. Таким нужно говорить про войну, про древние битвы, а Баху, оказывается, совсем о другом.

– Это она про Эльдарилава, – переводит Патит. – Говорит, пригласили его в Чох на свадьбу и отравили за любовь к чохской девушке. Братья девушки поднесли ему вино. Та девушка кричала: не пей, не пей! Но он из гордости выпил и пошел на окраину села, она побежала за ним, а он бледный такой, уже умирал совсем.

Баху вдруг что-то короткое произносит, всплескивает руками и улыбается, отчего ее строгое лицо, исчерканное морщинами, мгновенно меняется. Будто после долгой ночи наступило утро, словно в темной комнате зажгли свет.

– Она говорит, – переводит Патит, – любовьто, получается, была!

Разумеется, была. Мы и не сомневались. Тут полтора века назад по улочкам гулял славный парень красавец Эльдарилав, пел только что сложенную песню:

«Выхожу из дома я, а там идут разговоры, Что очень красива дочь Алдана, Меседо. И вечером на годекане говорит молодежь, Что недоступна она и все в нее влюблены, Что ею восхищаются и стар и млад. Косы у нее как шелковые нити. Груди как спелый абрикос, Лоб у нее как белая бумага, А брови на лбу из шелка. Под бровями глаза как гимринский виноград, На белом лице щечки как кайтагские яблоки» ...

И самые строгие девушки млели, прикладывали прохладные ладони к разгоревшимся щекам и думали, как бы повыдергать этой Меседо ее шелковые косы.

«Да чтоб в тебя стрелу впустили, гордый ты сокол, Нет мне покоя от того, что ты ходишь так гордо. Да чтоб стрела в тебя попала, сизый голубь, Не грех ли будет, бросив меня, пойти к другой?»

– вторила Эльдарилаву Анхил Марин, отбивая такт на бубне, и юноши сдвигали на лоб папахи, распрямляли спины, и делались хищными их улыбки.

Эти двое, никак не «срифмовавшиеся» при жизни (Анхил Марин посвящала ему песни и даже сложила плач по погибшему поэту, а он восхищался другими красавицами), сейчас оказались очень близко друг к другу. Мы стоим возле ограды кладбища, внутрь пройти не позволили. Над мужскими могилами надгробия как вбитые в землю кинжалы, у женских рисунок иной – камень

обтесан, закруглен сверху, будто закутан в платок. В нескольких метрах от нас нарядное надгробие, под которым упокоился Эльдарилав. Надгробие наверняка подновляют, подкрашивают. Могилы Анхил Марин тут нет, она похоронена в ауле Салта. Но через дорогу от кладбища стоит прямоугольная неброская каменная плита. Говорят, именно к ней привязали Марин за песни, брошенные как камень в лицо могущественному наибу. Еще говорят, что наиб за такую неслыханную дерзость приказал зашить девушке рот.

Историки борются с этой легендой, настаивают, что никто в Дагестане не посмел бы так обойтись со свободной женщиной, никто и никогда! Но в Ругудже уверены, что именно зашили, людям хочется запредельного, будто мало им того, что расскажут в каждом доме.

РИФМА К СЛОВУ «КРОВЬ»

– Мой прадед тоже на бубне играл, но одной рукой, второй у него не было. – Маржанат держит в руках большую банку, из которой течет густой урбеч, укладывается в пиалу светлокоричневой лентой, виток за витком. – Он полюбил девушку, она его тоже, и они как-то там сошлись. Ее за прадеда выдавать сначала не хотели, а потом примирились. И зажили они вместе, беременная она уже была. И тут ее брат с кем-то поссорился, а тот ему сказал: «Позорник ты! Не смог за сестру ответить! И сестра у тебя позорница!» Брат взял кинжал, ночью пришел в дом сестры и ее заколол. Прадед проснулся,

хотел схватить кинжал, он у него над кроватью висел, и этот брат ему руку отрубил. Ну, прадед как-то убежал. Потом снова женился, уже на прабабке моей.

- Значит, есть твердое «нельзя». Иначе смерть?

- Выходит так.

Мы идем по старому селу, по тесным улочкам, мимо полуразрушенной родовой башни. Она чем-то напоминает этого однорукого старика. Отсеченная рука, отсеченная жизнь, в которой его погибшая жена качала люльку с неродившимся ребенком. И он отбивался от боли и памяти, вновь и вновь ударяя по колену звенящим бубном.

– У нас все очень строго было! – Патит застывает перед выкрашенными синим воротами. На них олени, птицы, а еще лев и львица, похожие на тех, с работ Анри Руссо, где веселые звери поедают веселых туземцев и сразу видно, что и тем и другим это в кайф. В центре часы. На них нет стрелок, будто они показывают время «всегда» или время «никогда». - Брат дедушки моего (я его просто дедушка буду называть, а то запутаешься) женатый был и полюбил замужнюю женщину. А она – его. И вот ее брат пошел к деду, прямо во время молитвы пришел, с молитвенного коврика его поднял. Они драться стали, и дедушка его убил. И эта замужняя у себя убийцу брата прятала. Его искали, полиция искала, родственники, но не нашли. А когда все поутихло, они вместе сбежали и 20 лет к селу не приближались.

– Патя, погоди, но значит, можно нарушить правила, любить и уцелеть?

– Получается, можно.

В сельском музее с чисто вымытыми полами нам показывают экспонаты – домашнюю утварь, одежду – и сразу же увлекают к стенду, посвященному жизни и многочисленным заслугам бывшего наркома земледелия, а потом председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Абдурахмана Даниялова. Мы упираемся и не идем. Мы не хотим про Даниялова, простите, простите нас! Мы тут в поисках любви и страсти, в погоне за мифом о ругуджинских амазонках и не хотим про заслуги, даже про космонавтов не хотели бы. А вот уникальный наряд ругуджинской невесты вполне годится.

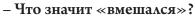
ПОЛЕТЫ ВО СНЕ И НАЯВУ

В доме у завуча Сони на полу расстелен ковер. А поверх ковра лежит свадебное платье ругуджинки. Его вынули из сундука специально для нас. Такое в каждой семье хранится бережно и передается из поколения в поколение. Иногда мать жениха дарит его невестке, но, если вдруг молодые разведутся, придется отдавать. Соня и Сидрат прямо об этом не говорят, но легко себе представить, что будет с той, которая рискнет платье не вернуть. И с ее родными. И со всем ее тухумом.

Соня приносит какие-то свертки, начинает разворачивать, в обычный неброский платок запеленат другой, драгоценный «николаевский». Считается, что такие платки попали в Дагестан в «Николай-заман», то есть в годы царствования Николая II. Стоят они освежающе дорого, до 200 тысяч, и «правильная дагестанская невеста» без такого подарка от будущей свекрови замуж не пойдет. Но платок действительно красивый, шитый золотом, он горит, как костер, как оперенье жар-птицы.

Сидрат уже надела платье и сейчас накидывает платок, сама она выходила замуж в «современном» наряде и, кажется, совсем по этому поводу не горюет. Это для нас – диво дивное и красотище, а для нее часть привычной, слегка поднадоевшей «сельской» жизни.

– У нас брак с утра заключают, пока никто не проснулся, не вмешался, – говорит Сидрат.

– Это если кто во время церемонии в мечети три раза кольцо покрутит и скажет: «И это неправда, и это неправда», то в первую ночь жених ничего не сможет. У нас одному мужчине три раза такое делали. Четыре раза, бедный, женился. Люди говорили, он вместо жены видел волка, потому не мог к ней подойти. Но сейчас все хорошо у него. Семья, дети. Наверное, кольцо больше не крутили.

Тоненькая Сидрат в тяжелом, расшитом потемневшим жемчугом платье кажется крохотной и уязвимой. Соня с подругой надевают ей поверх платка маргъал – закрывающий лицо прямоугольный кусок ткани, расшитый серебряными оберегами. Там треугольники и солярные знаки, птички, пустотелые шарики на длинных цепочках. Они звенят, сверкают и отпугивают злых духов, а еще это красота невероятная! Жаль, самим невестам этого не видно. Все, что могут рассмотреть они из-под маргъала, – носки своих сапожек, до дома жениха подружки невесты ведут ее под руки.

Мы с Патит опять шагаем по селу, идем мимо веселых старушек в резиновых мужских тапочках, надетых прямо на толстые носки (и тепло, и не скользко), мимо задумчивого мужчины, одиноко сидящего у стены, на которой написано «Все на выборы!», мимо девочки Амины в колготках с бантиками на коленях.

– Амина, – спрашиваю, – как думаешь, любовь есть?

Амина теребит бантик.

– Не знаю, – говорит Амина и отводит глаза.

- Из уважения к своему отцу, к братьям я замуж снова не могу идти, Патит произносит слова ровно и четко, как строчки устава.
- Патя, ты же мусульманка, там нет такого. Наоборот, считается, что женщина должна быть замужем, что это правильно.
- Чтоб я сказала отцу, что кто-то на мне жениться хочет? Да я со стыда умру.
 - А если маме?
 - Нет, у нас строго.

Патит так легко проговаривает слова о бессрочном пожизненном вдовстве, что во рту у меня становится горько.

– Патя, – говорю, почти кричу: – Патя!
 Но ведь целоваться хочется!

Патит пожимает плечами.

Над Ругуджой, израненным селом, промытое хрустальное небо. Над Ругуджой жарит солнце, а деревья, кусты – все покрыто снегом. Вдоль каждой ветки сугробик. Вот оно дерево. Черное, зимнее, угрюмое. А поверх повторяющая каждый изгиб белоснежная, невесомая его проекция, как сбывшаяся мечта, как обещание сладчайших райских садов. Одно неосторожное движение, порыв ветра или просто пристальный взгляд – и отрываются, летят по воздуху легкие снежные хлопья, будто лепестки сакуры.

Лепестки летят и ложатся на наши плечи, на черный вдовий платок Патит. И я вспоминаю, что была уже похожая сцена. Несколько лет назад я шла по другому селу, с другой вдовой, и она произносила слова о долге перед памятью покойного мужа. Говорила, что черное уже не снимет, а жизнь ее принадлежит теперь троим сыновьям, и вообще, какая любовь, если тебе за 40 и ты живешь в высокогорном селе? А потом, в одном из переулков, безо всякого перехода, ничего не стесняясь, никого не боясь, она ликующим и беззаконным юным голосом вдруг выкрикнула, будто пропела: «А любовь у меня есть!»

И упали на землю райские семена, и выросли из них деревья, и вышли из Бездонного озера всадник с конем, и засмеялись нарисованные львы, поправив лапой циферблат, и воскресли погибшие, и обнялись влюбленные, пошли рядом, сплетя руки. И все сделалось очень, очень хорошо.

Фото: Владимир Севриновский Перевод стихов: Баху Мухидинова, Магомед Магомедов

Влада Бесараб

БОЛЬШАЯ КУЛЬТУРА В МИНИАТЮРЕ

ВЦентре этнической культуры в рамках культурно-образовательного проекта «Международный фестиваль молодежного короткометражного кино "Маяк"» состоялась выставка авторских кукол Сакинат Исмаиловой (GEBA) «Кукольные герои кино». Мы же решили написать не о кино и даже не о куклах, а об их авторе, которая вот так «играючи» рассказывает не только о предметном, «вещном» мире традиционной культуры дагестанских горцев, но через эти предметы и вещи, выполненные в миниатюре, помогает понять самую суть культуры духовной.

Сакинат Исмаилова родилась в с. Геба Акушинского района, выросла в Каспийске. С 1982 года живет в Петербурге; работает в Российском этнографическом музее (научный сотрудник отдела этнографии Средней Азии и Кавказа); занимается костюмом, ведет мастерклассы по изготовлению кукол в костюмах народов России — как для всех желающих, так и для сотрудников региональных музеев, которые приезжают в Петербург на стажировку. Куклы в костюмах народов Дагестана ее работы (уже 40 костюмных комплексов!) представляют многонациональный Дагестан на всех этновыставках Петербурга и Ленинградской области.

- Сакинат, увлечение куклами сейчас очень модное, это и реборны (натуралистичные куклы, торых даже при близком рассмотрении не отличишь от настоящего младенца), и фарфоровые, и тильды, и расписные глиняные, и мишки-тедди! Складывается ощущение, что вокруг просто целая армия кукловодов и кукловедов, которые в детстве не наигрались. Вы в детстве играли в куклы?
- Почти не играла! Изготавливать выставочные куклы

это не игра, это глубокие знания истории, этографии, это тот же самый мир, просто в миниатюре, а реконструкция в малых размерах сложнее повтора в натуральную величину. Куклы-игрушки — это отдельная история, это не про меня; мои куклы не для игры.

- То есть, вы изначально ставили перед собой задачу не столько сделать куклу, сколько воссоздать традиционный костюм?
- Да, костюм был первичен. Поэтому у кукол этой серии не проработаны лица –

здесь это не важно. Сама идея показать костюм того или иного народа на кукле, воссоздать в миниатюре традиционные предметы быта, чтобы проиллюстрировать рассказ о культуре этого народа, не нова. Ею успешно пользуются во

всем мире. Однако никогда, ни на каких выставках не выставлялась коллекция традиционных костюмов народов Дагестана в миниатюре; никогда не было и сувенирных кукол – во всяком случае, они не выставлялись и не продавались. В 2011 году я обратилась в министерство культуры РД с проектом «Куклы Дагестана», думала, что буду руководителем своего проекта, а его реализацией займутся местные специалисты (этнографы, художники, дизайнеры и конструкторы) – прежде всего, молодые, для которых это стало бы и самореализацией,

и возможностью заработать. Но время шло, а процесс не продвигался; пришлось делать самой, поскольку привыкла доводить начатое до победного конца. Первые работы выставлялись в 2012 году. В 2013 году появилась коллекция из 15 костюмных комплексов – она была выставлена в Российском этнографическом музее, а в 2014 году – экспонирована в Музее Дружбы

народов России (к его открытию), Постоянном Представительстве РД при Президенте РФ, в Управлении делами Президента РФ Президентсервис, а также выставлена в Государственной Думе, на форуме-выставке «Многонациональ-

ная Россия», в Московском Доме национальностей.

– Но невозможно же без подготовки вот так взять и создать несколько десятков нарядов, отличающихся друг от друга не только цветом ткани, но часто самим принципом кроя, фактурой, способом закрепления деталей, а вы делали именно костюмные комплексы, то есть это и обувь, и головные уборы, украшения! Как?!

– Абсолютно верно! Это результат усердной работы, очень сложный и долгий процесс, бессонные ночи, а самое главное – большое желание! Я

изучала историю вопроса, в частности, не расставалась с книгой Сакинат Гаджиевой «Одежда народов Дагестана», аккуратно изучала музейные образцы, ездила в горы, искала людей, у которых в сундуках еще сохранились старинные наряды. Были проведены историко-этнографические исследования, точнее, этим я продолжаю заниматься по сей день. Собранные материалы ля-

гут в основу моей диссертации, которую я когда-нибудь допишу (смеется). В планах также издать большую книгу, где будет много фотографий и рисунков с четким подробным описанием каждого костюма. Когда я увлеклась костюмом, было нелегко собрать необходимый материал, да и не от чего было отталкиваться, а теперь уже совсем не сложно. Важно также отметить, что, когда переносишь традиционный костюм на куклу, главное не точно воспроизвести все детали, это и невозможно, и не всегда нужно, а уловить суть, четко выявить, что важно подчеркнуть в каждом

костюме, что сделает его узнаваемым и отличным от других, ведь дело имеем с крошечными костюмами. Например, все знают, что на балхарское платье нашивались серебряные украшения: бляхи, монеты, различные цепочки с подвесами и

т.д. Их могло быть несколько десятков, а то и больше. Можно, конечно, заказать это все в миниатюре, но я предпочитаю пришить пару-тройку подлинных мелких украшений и всем сразу понятно, как выглядело это платье. А вот воссоздать костюм дидойки мне не удалось, его и «живьем» нет ни в одном музее мира. Я отобразила головной убор дидойки, он также есть на выставке в Этноцентре вместе с героями кино.

– Кстати о кино. Я так понимаю, что это был следующий этап куклотворчества. Не смогли остано-

виться после коллекции костюмов?

– Этой зимой в Питере мне позвонили организаторы III Фестиваля-конкурса «КуклоГрад», посвященного Году кино, и предложили выставить моих кукол как «девять жен Абдуллы» из

«Белого солнца пустыни». Видимо, маленькие аварки, лезгинки, кумычки, даргиночки и лачки – как героини-образы этого прекрасного фильма (улыбается). Но я сделала Асият из фильма «Горянка», знала, что именно она покорит сердца жителей Северной столицы, напомнит о жемчужине России – Дагестане, Расуле Гамзатове и станет победительницей. А идея с «женами Абдуллы» мне понравилась, и я их сделала для выставки в Махачкале.

Все время разговора «Асият» сидит напротив и смотрит на меня своими карими глазами, как живая. Глаза у нее, как оказалось, японские,

джурабки дагестанские, а платье сшито из винтажной советской ткани, и оно точно такое, какое носила актриса в фильме. К выбору материала для кукольных нарядов Сакинат всегда подходит очень ответственно, часто использу-

ет дорогие старинные ткани, драгоценное кружево и тесьму, ну и, конечно, платки. Гульмендо у всех ее миниатюрных красавиц – настоящие, более того, как оказалось, даже серебро часто бывает настоящим.

– На руке кукольной Фазу, представленной в Этноцентре, – браслет, который явно был вашим личным кольцом, серьги у нее, кстати, тоже вполне себе аутентичные!

– Ну конечно, ведь это же Фазу – а она носила только подлинные украшения! Таких кораллов, как у

нее, не было даже в Государственном Эрмитаже (мы с ней вместе смотрели в 2002 году в Санкт-Петербурге). У другой куклы, выставленной в Музее Дружбы народов России, мои старинные серьги. Так было нужно для образа.

– Судя по всему, вы легко расстаетесь со своими куклами? Кстати, коллекционеры вам их заказывают?

– Мне не жаль с ними расставаться, я успе-

ваю налюбоваться, пока делаю, и хочу, чтобы другие тоже ощутили эту радость. Да, частные коллекционеры заказывают; несколько кукол уехало за границу, заказывают и для подарков известным людям; знаю, что моя гебинка есть у Макаревича; Полад Бюль-Бюль Оглы купил кубачинку в «Этнобутике» в Махачкале – уж не знаю себе или в подарок (улыбается). У Журавского Александра Владимировича – директора Депармежнациональных тамента отношений Минкультуры России, тоже есть моя работа из этой серии.

- Вам не нравится, когда пресса называет вас «масте-

рицей-кукольницей», и я понимаю почему. А художником вас называть можно?

– Я историк-этнограф, специализирующийся на традиционных костюмах народов Дагестана. Наверное, меня можно назвать и художником в некотором смысле этого слова, потому что невозможно заниматься этой работой, не

имея художественного вкуса, а также навыков рисования и лепки. С момента моего увлечения куклами прошло пять лет. За это время я несколько раз стажировалась у профессиональ-

ных художников, брала уроки скульптуры, училась работать с самозатвердевающим пластиком. Посчастливилось обучиться искусству изготовления шарнирных кукол у художника по куклам Отаке Ке (Япония). Можно, конечно, все заказывать, сейчас любые детали готовые есть – от глаз и волос, до пуговиц и шляпок, но я предпочитаю по возможности все делать сама, потому что я лучше знаю, что мне нужно и как это должно выглядеть.

В сувенирных магазинах Махачкалы появились костюмированные куклы других авторов. Тех же матрешек «наряжать» в даге-

станские костюмы вы придумали, а теперь их и другие расписывают. Вы не боитесь конкуренции?

– Наоборот, я добиваюсь, чтобы как можно больше людей подхватили эту идею и, во-первых, увлеклись изучением нашей культуры, а во-вторых, зарабатывали своим творчеством. Мне приятно,

что я первая, кто создал большую выставочную коллекцию, но быть последней, точно не хочу! Готова помочь молодым художницам, дизайнерам, которые захотят серьезно этим заниматься, приехать в Петербург, попасть на профессиональные мастер-классы. Можно писать мне на почту sakinat@inbox.ru или в фейсбук.

Автор благодарит Сакинат Исмаилову, сотрудников Центра этнической культуры и лично Патимат Гусейнову за предоставленные фотографии.

редлагаем вниманию наших читателей выступление народного писателя Дагестана Магомед-Расула на юбилейном творческом вечере табасаранского поэта, прозаика и переводчика Шамиля Казиева, — состоявшемся в 2014 году. К большому сожалению, Шамиля Казиева уже нет с нами, но вклад его в табасаранскую и дагестанскую литературу и культуру несомненен.

Серебряное спово

Ассаламу алейкум, дорогие табасаранцы! Вы, наверное, лучше меня знаете, что первым литератором и первым среди табаса-

ранцев, ставшим членом Союза писателей СССР еще в 1939 г., был Багаутдин Митаров, родившийся в 1912 г. К сожалению, он слишком рано ушел из жизни, чтобы оставить большое творческое наследие: в 1944 г. пал смертью храбрых в боях за нынешнюю многострадальную Украину.

Но в природе все сбалансировано и предопределено. Недаром

табасаранцы говорят: «Каждый день надо хотя бы одно новое слово слышать, иначе уши отрастут, как у осла». В год смерти Багаутдина Митарова родился новый табасаранец с новым поэтическим словом, с многозначным и многозвучным именем Шамиль, который собрал сегодня нас на своем семидесятилетнем творческом вечере.

Анализируя жизнь Багаутдина Митарова, Шамиль Рамазанович Казиев пришел к выводу: чтобы продолжить долгую творческую жизнь, предшественнику его не хватило дыхания. И это дало Шамилю основание назвать свой первый сборник стихов «Дыханием рассвета», чем и продлевают табасаранцы свою многокрасочную, как знаменитые ковры-сумаги, жизнь.

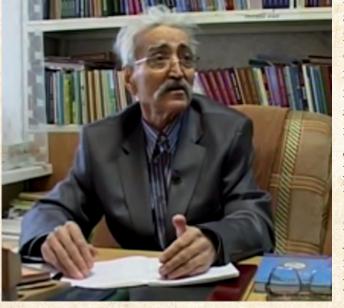
Вторым старейшим табасаранским писателем был Манаф Шамхалов, родившийся в 1915 г. Когда Манаф издал книгу «Колхоз в

цвету», наш Шамиль задумался: не слишком ли торопится аксакал, и назвал свою вторую книгу «Дальней дорогой», показывая, какой долгий путь еще предстоит до расцвета табасаранских колхозов. Как говорят табасаранцы, «Красноречивый на лошади, а хозяин лошади – пешком, но идет дальше красноречивого».

Младший брат Багаутдина Митарова Муталиб, родившийся в 1920 г., написал книгу «Цветы на граните». К сожалению, сказал Шамиль, цветы на граните не растут, надо думать о том, как сохранить нашу обетованную землю в неприкосновенности, и издал книгу под названием «Земля и пепел», получившую Государственную премию республики.

Казиахмед Рамазанов, родившийся в 1927 г., хотел удивить мир книгой «Тропы жизни», и Шамиль Казиев помог ему, добавив к его «Тропам жизни» свою «Волшебную струну», без которой скучно шагать по тропам жизни и играть свадьбы молодоженов.

Пирмагомед Касимов, родившийся в 1941 г., восторгаясь жизнью, издал книгу

«Солнце над Табасараном», что немало удивило Шамиля. О каком солнце над Табасараном говоришь ты, дорогой мой коллега, сокрушается Шамиль, когда над нами клубится мохнатый туман, начиненный громом и градом, когда в былом гордый и благочестивый Табасаран чуть ли не становится страной господ и рабов? И Шамиль издал книгу «Рабы и господа». Как гласит табасаранская поговорка, «Кто говорит все, что хочет, тот услышит то, чего не хочет».

Другой Пирмагомед, Пирмагомед Асланов родился в один год с нашим юбиляром и с учетом сегодняшнего дня издал книгу под названием «Светлый апрель». А Шамиль спрашивает, а такой ли светлый он сегодня, каким хотели бы мы видеть его? Даже в эти светлые апрельские дни иной земляк наш готов обмануть и обдурить другого, и от светлого апреля, к сожалению, остаются только «Светлые капли», как и назвал Шамиль свою очередную книгу. Что с нами происходит? Почему мы стали материально лучше жить, а морально опускаться все ниже и ниже? Куда делась наша отцовская порядочность? Почему мы чувство чести и человеческого достоинства так беспечно и преступно меняем на доллары и высокие чины?! О, Аллах! Помоги нам не затеряться в этом ханжеском хаосе!

Шахвелед Шахмарданов, родившийся в 1948 г., по сей день хвастается своей книгой «Грушевое дерево», забывая о том, что его дерево хорошо плодоносит лишь потому, что дорога к нему проложена через «Заячью тропинку» Шамиля. Но Шахвелед не волнуется, помня о поговорке «Дереву его плоды не в тягость».

Юсуф Базутаев, родившийся в том же году, что и Шахвелед, написал прекрасную книгу «Волшебная тропинка из детства», но прославилась эта тропинка лишь после того, как на ней «От чего лис закукарекал» у Шамиля.

Гаджимурад Таибов, родившийся в 1958 г., написал свою «Дорогу домой», наверное, не подозревая о том, что иногда и дорога домой в наше время заканчивается шамилевским «Терновым венцом».

Самая молодая и симпатичная из вышеназванных табасаранских писателей Гюльбика Омарова – год рождения которой исто-

рия обнародует в нужное время и в нужном месте, – пишет свои произведения, засучив рукава, готовит вкуснейшую еду, засучив рукава, и потому, наверное, назвала свою книгу «Засучив рукава». Но она не подозревала о том, что у Шамиля Казиева для нее готова «Тавхана», устланная старинным табасаранским ковром-сумагом, узорами которого и по сей день восхищаются непревзойденные мастера орнаментов – кубачинские златокузнецы. Недаром табасаранцы говорят: «Иной раз даже глупое слово женщины стоит мудрой проповеди имама». Можно только сожалеть, что Гюльбика наша пока еще мало говорит таких «глупых» слов.

Все вышесказанное, казалось бы, понятно и дураку. Но не могу понять одного: когда многие табасаранцы, а вместе с ними и кубачинцы, некогда входившие в Кайтаго-Табасаранский округ, переселяясь в большие загазованные города, стали забывать отцовские традиции, родную культуру и материнский язык, при этом стали привыкать к чужим обычаям и говорить на ломаном русском языке, повторюсь – как в это время всеобщего хаоса и неразберихи Шамиль Рамазанович Казиев, один-единственный среди нас, смог научить табасаранскому языку всемирно известного русского писателя Петра Ершова, издав его «Конька-горбунка» на безупречном табасаранском языке. Тем самым наш Шамиль увеличил народонаселение Табасарана на одну весомую единицу, нанеся большой ущерб русскому народу и его языку. Но великодушный русский народ не остался в долгу перед табасаранцами – Шамиль стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени Петра Ершова, с чем вы и можете поздравить его!

И наш благочестивый дагестанский народ, несмотря на его быстроменяющееся руководство, не остался в стороне, удостоив его высокой премии имени Гомера двадцатого века Сулеймана Стальского и других почетных правительственных наград.

Мои земляки-кубачинцы говорят: «Сказанное слово – белое серебро, несказанное – красное золото».

Я сказал серебряное слово, золотое – за другими!

Диляра Гайдарова

Монетка

Легкий весенний ветерок врывался в окна маршрутки, теребя занавески. Пьянящий аромат цветущих деревьев, кустарников и трав так и витал в салоне, навевая мечты о скором лете, об отпусках, фруктах и море. Наиля сидела у окна, вглядываясь в проносящиеся мимо пейзажи. Все вокруг зеленело, радовало глаз. Выдавшаяся командировка в Махачкалу не напрягала ее, наоборот, радовала небольшая передышка в нудной офисной работе за компьютером. Хотелось отвлечься от рутины. Тем более что в дагестанской столице жила ее родная сестра с семьей. А это означало, что она вдоволь с ней пообщается, увидит так обожаемых ею племяшек. Настроение было приподнятым. Очень скоро, через каких-то пару часов, она увидит родных.

Маршрутка плавно свернула на повороте и, проехав около ста метров, въехала в пригород Хасавюрта. Этот дагестанский город, прозванный в народе «городом 33 базаров», радовал глаз своим новым, каждодневно меняющимся внешним видом. Множество новых, добротных домов привлекали внимание своим, так непохожим на общую дагестанскую архитектуру, современным видом. Наиля любила свою республику и искренне не понимала тех, кто уезжал из Дагестана в поисках лучшей доли. Для нее поговорка «Где родился, там и пригодился» была не простым запоминающимся набором слов, а чем-то большим, тем, что отражало ее сущность. После учебы в столичном университете она вернулась в родной город и, устроившись экономистом в плановый отдел одной из градообразующих организаций, была довольна своей жизнью - семейной, размеренной и надежной.

Шофер остановил машину на автостанции Хасавюрта, объявив, что стоянка составит всего минут двадцать, и больше до самой Махачкалы остановок не будет, поэтому посоветовал всем пассажирам отдохнуть, попить водички, поесть и не опаздывать к назначенному времени.

Наиля вышла из салона и направилась на небольшой рынок, примыкающий к автостанции. Надо было прикупить фруктов и сладостей племянникам, да и просто было приятно походить между рядами, размять затекшие от долгой езды ноги. Многоголосье, вялая перебранка торговок, ароматы фруктов и запах свежевыпеченного хлеба манили ее все дальше и дальше от стоянки машин. Но, помня о том, что может опоздать, она постаралась быстро пройтись по рядам, купить несколько килограммов фруктов, свежие пироги с начинкой из орехов и кураги, а также красивый легкий платок – в подарок свекрови сестры, которая постоянно передавала с оказией ей гостинцы.

Вернувшись к машине и войдя в салон, Наиля увидела, что пустовавшее рядом сидение заняла старая, но очень приятная женщина.

- Ой, доченька, я, наверное, твое место заняла?
- Нет-нет, тетя, заверила ее Наиля, я сижу у окна, а место это свободно с самого Кизляра. Сидите спокойно!

Уложив аккуратно, чтобы не помялись, пироги и фрукты на верхнюю полку, Наиля протиснулась и заняла свое место, а минуты через три и машина тронулась в путь.

Наиля, отвернувшись к окну, смотрела вдаль, думая о своем, и поэтому вздрогнула от неожиданности, почувствовав прикосновение к своей руке.

– Яр, дочка, испугалась, да?

Старая женщина виновато смотрела на нее.

- Я только хотела спросить тебя, примерно во сколько в Махачкале будем? Внуку хотела позвонить, предупредить, чтобы зря не ждал на автостанции, а подъехал к этому времени.
- Да нет, не испугалась, теть. Просто от неожиданности вздрогнула. Часа через полтора будем в Махачкале.
- Спасибо, моя хорошая. Сейчас позвоню своему красавчику.

Женщина стала набирать номер в мобильном телефоне, а Наиля не могла оторвать взгляд от кулона, висевшего на золотой цепочке, на шее

этой женщины. Он выглядывал из-под концов платка, накинутого на голову и накрывавшего плечи. Большая красивая монета из червонного золота с изображением последнего русского императора Николая II, достоинством в десять рублей, переливалась, отражая солнечные лучи сотнями горящих искорок. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что монета старинная, а не современная ее копия. Уж слишком золото отливало червонным, красноватым оттенком.

Закончив разговор с внуком на родном, лакском, языке, она перехватила взгляд молодой женщины.

- Красивая, да?
- Глаз не оторвать...
 эхом откликнулась
 Наиля.
 Я раньше видела подделки, но это сразу видно
 настоящее чудо...
- Да, девочка моя, это чудо... И то, как она появилась у меня, тоже чудо.
 - Расскажите?
- С удовольствием... Женщина откашлялась и, отпив глоток воды из маленькой пластиковой бутылки, что она вынула из своей сумки, начала свой рассказ.

Наиля развернулась к ней в пол-оборота, чтобы удобно было видеть лицо собеседницы, и внимательно стала слушать.

«Я родилась за пять лет до начала Великой Отечественной войны, в 1936 году, в высокогорном селении Кули. Была четвертым ребенком в семье. А всего нас было в семье шестеро. Когда отца забрали на фронт, мама долго плакала. Но жить-то надо было и дальше, поднимать нас, вести хозяйство, работать в колхозе. Письма, что присылал с фронта отец, до сих пор хранятся в семье самого младшего моего брата. Мама очень трепетно к ним относилась. Когда приходило очередное письмо с фронта, мама целовала его, прижимала к груди – как будто это был сам папа...»

Женщина вытерла тыльной стороной ладони повлажневшие глаза и, глубоко вздохнув, продолжила:

«Мы жили в селе, с утра учились в школе, а после уроков мыли там полы; хоть наша мама и числилась уборщицей в школе, убирали, конечно, мы со старшими сестрами, потому что мама еще и на колхозной ферме дояркой работала. Деньгами не платили тогда. Засчитывали трудодни и платили по ним продуктами. Жили мы в небольшом доме, оставшемся от деда – папиного отца. Зимой мы все жили в одной комна-

те, потому что только ее и топили, в основном кизяком. В те дни, когда мама нас купала, она отапливала ее углем, который иногда выделял нам, семье фронтовика, колхоз. Жили мы очень бедно. Ели практически один раз в сутки.

Я помню, как мы завидовали двум соседским мальчишкам, которые остались круглыми сиротами. Пришла похоронка на их отца с фронта, а через месяц и мать их умерла. Так вот отправили их в интернат, который открыли в соседнем селе Кая для детей фронтовиков, погибших на войне. А завидовали мы им потому, что там, в этом интернате, их кормили три раза в день, одевали, и по окончании этого интерната отправляли на учебу в город. Мама моя тогда сильно плакала, когда самый младший брат озвучил, что и он хотел бы там пожить, в этом интернате.

Мы по малолетству не понимали того горя, что несли эти небольшие листочки, что привозил и раздавал в селе хромой почтальон Махди. Это были похоронки. И ждали сельчане почту, и боялись ее. После раздачи писем, то и дело раздавался нечеловеческий вой из того или иного дома. Село-то очень большое было...

Часто по ночам я просыпалась от невнятного тихого бормотания. Это мама моя тихо молилась, чтобы папу не задела вражеская пуля. Чтобы он живым и невредимым вернулся к нам. Молилась мама только по ночам, боялась, чтобы не узнали, не отняли нас, детей, у нее, и ее не посадили. Тогда ведь религия под сильнейшим запретом была. В школе нас убеждали, что Бога нет, что произошли все мы от обезьян...»

Она горько усмехнулась.

«Так мы дожили до 30 марта 1944 года. Я очень хорошо помню то раннее утро, когда у ворот нашего дома остановилась полуторка – небольшая грузовая машина. Мама собиралась на работу, на ферму, а мы – в школу; постучавшись, вошел председатель колхоза. Я отчетливо помню побледневшее испуганное лицо мамы. Председатель сразу сказал:

– Все нормально, Аминат! Не пугайся! Жив твой Курбан! Гонит фашистов с нашей земли! Мы на заседании правления вчера решили: ему, как фронтовику, как орденоносцу, как отцу большой семьи выделить большой новый дом! О чем я сам лично и пришел вам сказать. Только есть два условия! Даже не условия, а наказа от нашей коммунистической партии! Тебе, как жене нашего славного и доблестного воина, партия

выделила дом в селе Алтмирзаюрт. Это недалеко от Хасавюрта. Твоя семья и еще несколько других семей с нашего района через три часа выезжают на новое место жительство. Возьми самое необходимое, документы. Твою корову колхоз забирает. На месте выделят новую корову и еще мелкорогатый скот и птицу. Так что едешь не на пустое место. Давай, Аминат, соберись с духом и вперед! Не подведи наш колхоз, мужа и партию!

С этими словами председатель вышел из дома, а мама стала собираться на новое место жительство. Кое-как собрав в узлы все наши пожитки, закрыв дом на огромный амбарный замок и, разместив всех детей в кузове, накрыв нас овчинными тулупами, мама слегка хлопнула кулаком по крыше кабины грузовика, давая понять шоферу, чтобы тот выезжал. На улицу высыпали все соседи, сельчане. Махали нам руками, что-то кричали, улыбались. Мама заплакала. Ей жаль было уезжать из родного аула, где прожили не один век ее предки. Но осмелиться перечить председателю она не могла. Понимала, что за отказ ее могут очень сурово наказать по законам военного времени. Больше всего она боялась, что письма папы будут приходить по нашему старому адресу, а там дом заколочен, и никто не будет знать, как нам их передать. Поэтому всю дорогу до самой Махачкалы, мама говорила, что по приезде на новое место, надо обязательно, в первую очередь, узнать адрес, чтобы сразу написать папе.

По дороге к нашей машине присоединились еще несколько десятков машин. Такой длинной вереницей из груженных домашним скарбом машин мы доехали до Махачкалы. Отдохнув там около двух часов, тронулись дальше в путь. Глубокой ночью, сморенные сном под теплыми бараньими тулупами, еще сытые после стоянки в Махачкале, мы были разбужены мамой. Стояла кромешная тьма. Только свет от фар машин освещал вокруг пространство. К нашей машине подошли военные и, зачитав какой-то приказ по бумаге, назвали нашу фамилию. Потом наш грузовик, проехав несколько метров, въехал во двор большого дома. Вновь подошедшие военные прошли в дом и включили везде свет. Нам, детям, помогли вылезти из кузова, выгрузили и занесли все вещи в дом; сделав все это без слов, военные удалились.

А мы... Мы остались в новом для нас доме. Большое потрясение мы испытали, когда начали ходить по дому. Было такое ощущение, что люди ушли только что отсюда. Везде была чистота. На

стенах висели фотографии – с довоенных снимков на нас смотрели совсем незнакомые люди. На печке стояла кастрюля с супом, а на столе горкой возвышался испеченный, накрытый белоснежной салфеткой хлеб. Мама постелила на полу все наши матрасы и одеяла, уложила нас спать, предварительно раздав по куску хлеба, и дав по кружке воды. С утра нас ждала совсем новая, незнакомая жизнь, под которую как-то надо было подстраиваться и жить, ждать с войны папу.

Рано утром мама разбудила нас, четырех старших дочек, и позвала во двор. Солнышко уже начинало пригревать здесь на равнине уже хорошо, не то, что у нас высоко в горах. Мы огляделись вокруг. А кругом все так же сновали военные, подъезжали и разгружались грузовики с такими же переселенными семьями. Но все равно что-то было не то, и только потом я поняла... Плакали осиротевшие домашние животные. Брошенные коровы ревели, овцы блеяли, но всего пронзительнее был вой обезумевших собак. Мне было всего девять лет, но я поняла, что нас поселили в чей-то, наспех освобожденный дом, жители которого, оставив все нажитое, ушли в неизвестность. И это было не только с нашим домом... Все большое село было пустым. Абсолютно пустым. Ни единой живой людской души в нем не было более трех дней, пока не стали завозить переселенцев с гор – таких, как мы...

Мы с мамой и сестрами прошли в сарай. Там стояла корова с маленьким теленком. Она-то и мычала. Я могу поклясться, что в глазах у нее стояли слезы. Ее вымя было опухшим от молока. А теленок, привязанный чуть поодаль от нее, полулежал на жалкой куче соломы и тяжело дышал. Мама велела нам вынести навоз и вычистить сарай. Сбегав в дом, она вернулась с ведром и небольшим кусочком топленого масла, которым смазала вымя коровы. Очень осторожно, слегка массируя его, она доила корову около часа. Молоко шло с кровью. Но корова перестала мычать. Когда мы напоили ее и теленка теплой, чуть подслащенной водой, она и вовсе успокоилась. Выдоенное молоко мама налила в собачью миску - другой живности у нас не было, и мы прошли в дом.

Мы позавтракали, а затем мама стала выносить все вещи бывших хозяев и складывать их в летней кухне, что стояла отдельным помещением во дворе, рядом с домом. Мы помогали ей. Сначала перенесли все железные, красивые, с никелированными спинками, кровати, затем деревянный буфет, столы и стулья. Затем перенесли и аккуратно сложили все матрасы и одеяла. Отдельно, в большой ящик мама сложила все фотографии и документы. Даже одежду мы сложили в мешки и унесли в это помещение.

Мама боялась, что в любой момент могут вернуться хозяева и потребовать свои вещи, и тогда наша семья опозорится, и все решат, что мы воры. Папе нашему будет очень стыдно за нас. Мы понимали, что мама абсолютно права, и как могли ей помогали. Когда все вещи были вынесены – вплоть до последней иголки, мама закрыла эту времянку на замок, а ключи надежно спрятала. С тех пор каждое лето, в самую жаркую пору, мы выносили все вещи из этого помещения, просушивали их, проветривали, и складывали обратно, предварительно рассыпав яд по углам от мышей, чтоб не портили их.

Чуть позже ушлые соседские ребята рассказали нам, что раньше здесь жили чеченцы. Но их всех переселили. А за что, мы не знали. С тех пор прошло много лет. Отгремела Великая Отечественная война. Вернулся через полгода после победы и наш папа — живой и невредимый. Мы выросли. Старшие сестры вышли замуж. Да и я была засватана.

Однажды вечером, когда семья собралась за столом за ужином, в окно кто-то постучался. Папа сразу вышел, а за ним выскочили и младшие мои братья. Через какое-то время папа и братья зашли в дом с очень красивым, высоким, статным парнем. Папа пригласил его за стол, мама спешно принесла ему тарелку с супом и ложку. Когда он поел, то рассказал нам историю своей семьи.

Его звали Ибрахим. Тринадцать лет назад, когда ему исполнилось двенадцать лет, глубокой ночью к ним в дом нагрянули военные. Под дулом автоматов их вывели на улицу и погрузили в грузовики. Все их село и все близлежащие села привезли на железнодорожный вокзал, а оттуда, погрузив, как скот в товарные вагоны, вывезли в Казахстан и выгрузили в голой степи. Много чеченцев тогда поумирало... От их семьи не осталось и половины... Они вырыли землянки, и жили в них как звери в норах... Но они выжили. Сейчас им выдали справки, что они освобождены, но им нельзя возвращаться на прежнее место жительство. Он показал эту справку и нам. Тогда-то я впервые услышала это страшное слово - депортация. Но мы с родителями и с братьями так и не могли взять в толк,

зачем этот парень пришел к нам в дом. Когда он сказал, что этот дом – дом его родителей, в котором он родился и рос, наступила такая тишина, что было слышно, как тикали часы на стене. Мама побледнела. Папа встал и сказал, чтобы он дал нам ровно три дня, чтобы могли собраться и освободить его дом. На что парень улыбнулся, встал и сказал:

– Живите, как жили здесь, и дальше. Я вижу, что дом ухожен, и дело моего отца не разорено. Единственное, что я хочу, это забрать все документы, фотографии и некоторые личные вещи, после чего уеду, и наша семья никогда больше вас не потревожит.

Родители открыли ему двери в той времянке, в которой до сих пор лежали все вещи их семьи. Он не мог сдержать слез, когда увидел, как аккуратно и бережно все было сложено, не растаскано, не продано. Разобрав все фотографии, документы, он все бережно сложил в принесенную мамой сумку. Затем он позвал отца, вместе они вытащили из-под другой мебели две спинки от большой никелированной кровати. Ибрахим открутил от них верхние, красивые, сделанные в виде резных шашечек набалдашники. Взяв из стопок с бельем большую простынь, он расстелил ее и, перевернув спинки вверх ногами, слегка их встряхнул. Из полых спинок потихоньку на простынь стали высыпаться, выкатываться круглые желтенькие, с красным отливом монетки. Мы стояли в ступоре. Столько лет жить в этом доме и не знать, что у нас рядом был целый золотой клад.

Когда обе спинки были полностью опустошены, а на полу возвышалась приличная горка монеток, парень спросил у отца, сколько у нас в семье детей. Узнав, что нас шестеро, он отсчитал ровно шесть золотых монет, отдал их отцу. Сложив все в сумку, он сказал, чтобы с этого дня мама пользовалась всеми этими вещами, не хранила их и не берегла. Попрощавшись, он исчез в ночи. Папа строго-настрого запретил нам рассказывать об этом случае кому-либо. В первую очередь пострадали бы мы сами. С тех пор у каждого ребенка из нашей семьи появился этот талисман — в виде монетки с изображением последнего русского царя...»

За рассказом они и не заметили, как маршрутка остановилась прямо на автовокзале. Старую женщину встречали внук с дочерью. Она тепло попрощалась с Наилей и исчезла в людской толпе, унося с собой воспоминания о том страшном времени.

Александр Карапац

Предел притяженья

Закон Всемирного тяготения

Законы открывают Архимеды Эйнштейны, Пифагоры и Кюри, А мы лишь констатируем победы По датам, что хранят календари.

Законов мы, пускай, не открываем, Не нужно это нам и не дано, Но почему-то и других не знаем, Расписанных уже давным-давно.

Ньютон открыл земное притяженье И притяженье дальних тел и звезд. Здесь ясно все, готово к примененью, И кажется закон предельно прост.

Он действует на дальнем расстояньи, А при сближеньи произвольных тел Вступают анти-силы, отрицанье Для тех, кто слишком сблизиться хотел.

Мы любим часто дальние предметы И к ним стремимся всей своей душой, В мирах любви неверные кометы Нас манят неотступно за собой.

Поверив в счастье, жаждаем сближенья, На все готовы – лишь бы долететь... Но есть закон, обратный притяженью, Его не можем мы преодолеть.

Бросаем дом, любимую работу, Летим туда, где нас комета ждет, Но ближе нам не лучше отчего-то, Нас от себя комета оттолкнет.

И мы поймем, что все мечты напрасны, Что у нее не сердце, а гранит, И что кометы лишь с земли прекрасны, И что несчастлив тот, кто долетит.

Пускай тревожат дальние стремленья, И снова нас прельщает звездный путь, Я знаю – есть предел у притяженья, За ним у тел – желанье оттолкнуть.

Поэтому, о прошлом вспоминая, Свои полеты помня наизусть, Я для себя все время повторяю: «Кометы – это сказка, ну и пусть!»

Давайте не будем

Давайте не будем преследовать цель, Придуманную наугад. Ведь будут дожди все равно и метель, И будет опять листопад.

А нам, пожелавшим чего-то достичь Конкретного, наконец, Ведь все равно до конца не постичь, Что каждый из нас слепец.

И цели назначенной не дано Нам все равно понять. А то, что свыше нам суждено, – Так и так выполнять.

А значит, бессмысленны наши мечты О радости без потерь. Но все же мир создан для красоты. Этому ты поверь.

И постарайся в душе найти Радостный светлый путь. Лишь по нему тебе надо идти И никуда не свернуть.

А то, что случится, и будет цель, Назначенная судьбой. Это – дожди, это – метель, Это – рассвет голубой.

Пусть будет

Разыграны старые роли: Был рыцарем, принцем, поэтом, Но снова пора на гастроли – Ждет драма с прекрасным сюжетом.

Всё будет по-новому в драме, Любовь и интриги – иные, Но счастье опять – за горами, Но снова мечты – голубые.

Так надо. Иначе не стоит. Пусть будет. Иначе – бессмыслен Сюжет. Пусть мечта беспокоит. Пусть короб страданий начислен.

Всё верно. Играю до смерти, Ничуть не жалея при этом, Что в жизненной той круговерти Был рыцарем, принцем, поэтом.

Ищите тайну

Ищите тайну в каждом миге И в каждом вздохе тишины, Читайте сказочные книги Для постиженья глубины.

Поверьте сладкому волненью, Что незаметно сдавит грудь, И, отдаваясь приключенью, Старайтесь дальше заглянуть.

Наполнен мир волшебным светом, Живые речи в нем звучат, Но не для всех доступно это – Пространства гордые молчат.

Лишь тот, почувствует значенье Обыкновенных наших дней, Кто, пересилив нетерпенье, Сумеет вслушаться сильней.

Кто остановится в движеньи, Ведущем прямо в никуда, Тому блеснет в воображеньи Неповторимая звезда.

Не уставайте удивляться Оттенкам светлой тишины, И мир вам будет открываться С необычайной стороны!

Спешите жить

Спешите жить! Спешите делать Дела. Спешите на пожар. Пылают дни. Горят недели. Сегодня молод. Завтра стар.

Спешите воздух полной грудью Вдохнуть. Спешите за судьбой. Я вас прошу, спешите, люди, Вперед, туда, где вечный бой.

Не рассуждая вечерами, Что жизнь сгорела и прошла, Старайтесь новыми кострами Зажечь достойные дела.

Не верьте голосу, который Вас отдохнуть в пути зовет. Пусть мчится жизнь, как поезд скорый, И стук колес: «Вперед! Вперед!»

Спешите, время обгоняя, Оставить в небе яркий след, В полете яростно сгорая, Играйте только до побед.

Сомнений цепи разорвите И покорите высоту. Прошу, друзья мои, спешите. Спешите разглядеть мечту!

Когда...

Когда я дойду до последней черты, До победы в главном финале, Когда исполнятся все мечты, Которые вдохновляли, Когда завершится мой дальний путь, Описанный многокнижно, Я постараюсь хоть как-нибудь Выжить...

Аслан Шатаев

Прокаятый

Адам стоял у дороги рядом с Домом быта и ждал, пока проедет поток машин, и он сможет перейти дорогу. Машин здесь всегда было много, и порой приходилось ждать долго. К тому же у здания налоговой полиции всегда как попало припарковывались десятки машин, что мешало движению. Из-за этого часто случались аварии. Стражи правопорядка почему-то на это закрывали глаза, как и на многое другое. Когда машин оказалось меньше, Адам двинулся вперед и остановился на разделительной полосе, опять стал ждать, глядя направо.

Внезапно он услышал слева от себя скрип тормозящей машины. Адам повернулся и увидел летящую прямо на него на большой скорости «девятку», водитель которой пытался остановиться, но машина по инерции неслась вперед. Вероятно, выехав на встречную полосу, он хотел совершить обгон.

Все произошло очень быстро. Адам даже не успел испугаться. Но в следующее мгновение с правой стороны вылетела «Волга», и в тот самый момент, когда между «девяткой» и Адамом оставалось полметра, врезалась в «девятку». Адам был ошеломлен произошедшим.

Обе машины с водительской стороны были сильно помяты. Лобовые стекла вылетели. Вокруг разбившихся машин тут же собралась толпа. Водителям и пассажирам стали оказывать помощь. Один был без сознания, другие ранены, но не очень сильно. Адам же был в шоке. Помогая другим, он не осознавал, что делает.

Вскоре он поехал на работу, лишь там он пришел в себя и понял, что его чуть не сбили, если бы не «Волга». Вечером, заперев дверь своего кабинета, он направился к выходу.

Небо было закрыто тучами. Начиналась гроза.

Когда Адам оказался у проема, сзади его окликнул коллега Абдулла. Адам остановился и повернулся. В этот момент сверху свалилась огромная плита, с грохотом упав прямо перед ним. Адам от неожиданности даже подскочил. Такая глыба запросто могла его убить.

Многоэтажный дом, где располагалась их контора, был в полуразрушенном состоянии, неудивительно, что от него отвалился кусок плиты. Адама поразило не только то, что он избежал смерти, но и то, что это случилось уже второй раз за день.

Адам с Абдуллой, обсуждая случившееся, в том числе и утреннее происшествие, пошли к остановке и стали ждать автобуса.

Сверкнула молния. Адаму стало не по себе. Ему казалось, что должно еще что-то произойти.

Он стоял рядом со столбом, на котором какие-то шутники нарисовали череп с молнией и приписали: «Опасно для жизни». Адам почувствовал недоброе.

- Слушай, сказал он Абдулле, давай отойдем чуть в сторонку.
 - Зачем? удивленно спросил Абдулла.
- Просто, ответил он, не вдаваясь в подробности, и отошел от остановки. Абдулла поплелся за ним.
- Можешь мне объяснить, что ты задумал?– спросил он.

В следующее мгновение в то место, где они только что стояли, ударила молния, раздался громкий треск. Адам почувствовал что-то вроде удара в спину и упал на землю. В ушах стоял звон. Придя в себя через какое-то время, он встал, не сразу поняв, что произошло. Абдулла лежал рядом, держась за голову. Молния, к счастью, ни в кого не попала, прошла совсем рядом, поразив их громовыми раскатами. Адам помог встать Абдулле и убедился, что с ним все в порядке.

- Что это было? спросил Абдулла.
- Молния.
- Я понял, что молния. Я хочу сказать, почему она чуть не попала именно в нас? Тебя, по-моему, сегодня два раза чуть не убило. У меня такое впечатление, что за тобой охотится смерть, а кто-то пытается тебя от нее спасти.

Абдулла был сам не свой. Он был испуган больше, чем Адам. Тут подъехал автобус Абдуллы.

- $-\Lambda$ адно, сказал Адам, поезжай. Твой автобус прибыл.
- Я надеюсь, что это простое совпадение, сказал Абдулла, но будь осторожен.

Абдулла сел в автобус.

Начался дождь. Адам встал под дерево, чтобы не промокнуть. Слова Абдуллы встревожили Адама еще больше. Действительно, за ним словно охотится сама смерть, но каждый раз его что-то спасает. Это означает, что охота еще не закончилась. В любой момент на него могла обрушиться очередная опасность.

Подъехал нужный автобус. Адам замешкался. Вдруг по дороге автобус попадет в аварию? Или он попадет под обстрел? Все что угодно может произойти. В любом случае, надо ехать. Не оставаться же ему на улице! К тому же он надеялся на своего ангела-хранителя, который все время его спасал.

Адам вошел в автобус и занял место в середине салона, решив, что оно самое безопасное. Он следил за каждой машиной. Дождь усиливался, и видимость становилась все хуже и хуже.

Вдруг раздался резкий сигнал. Адам напрягся от ожидания, но ничего не произошло. Мимо проехала машина. Пронесло...

Интересно, сколько это будет продолжаться? Будет ли этому конец? А вдруг его ангелхранитель ошибется? Страшно даже подумать, что тогда произойдет...

Автобус резко затормозил. Всех пассажиров дернуло вперед. Адам сильно ударился грудью о спинку автобуса, из-за чего перехватило дыхание. Он не мог дышать. Держась за разрывающуюся от боли грудь, он согнулся. Среди возмущавшихся пассажиров только один заметил, что с Адамом что-то не то.

- Что с тобой? - спросил он.

Адам не мог ответить.

- Он задыхается! закричал мужчина. –
 Его надо отвезти в больницу! Быстрее!
- Он же не дотянет, сказала одна из пассажирок. – Кто-нибудь может ему помочь?
- Отойдите, сказал какой-то мужчина, я врач.

Мужчина, объявивший себя врачом, подошел к Адаму, быстро осмотрел его и, взяв за плечи, резко дернул их назад. Раздался хруст. Адам сделал хриплый вдох. А врач между тем делал ему массаж.

- Ну, что, спросил он, все нормально? Вам очень повезло, что я оказался рядом. Вы могли бы погибнуть, задохнувшись. Вам стоит пойти в больницу. Я порекомендую хорошего врача.
 - Нет, не надо. Все в порядке.
- Все равно пойдите. Не сегодня, так завтра.

Поблагодарив его за помощь, Адам вышел на своей остановке. Грудь все еще болела, но дышать стало легче.

Дождь лил как из ведра, но он не спешил, боясь поскользнуться и подвергнуть себя какой-нибудь травме. Дом был в нескольких шагах. Может, в конце концов, там он окажется в безопасности? Адам, не спеша и смотря под ноги, пошел домой.

Зайдя в дом, он не стал ни переодеваться, ни ужинать, а только снял промокший плащ, вытер полотенцем голову и прямиком направился в спальню, чтобы лечь спать. Уж здесь точно ничего не может случиться, если только потолок на него не свалится.

Адам пролежал долго, почти до двенадцати часов ночи, размышляя над событиями сегодняшнего дня, засыпая на какое-то время и опять просыпаясь. Жена несколько раз заходила к нему, расспрашивая, почему он не переоденется, не идет ужинать, и вообще, что с ним творится. Адам не хотел ничего говорить, сказал только, что сильно устал. Во сне он почувствовал, что задыхается. Что-то мешало ему дышать. Но жена вовремя его разбудила. Оказывается, он лежал, уткнувшись лицом в подушку.

Размышляя, он, наконец, догадался о причине своих несчастий. Дело в том, что утром к нему подошел нищий, который выглядел

довольно неопрятно, и попросил у него милостыню. Адам не только ничего не подал, но и сделал ему замечание, сказав, что он мог бы для приличия хотя бы помыть лицо. Нищего это задело, и он обрушился на Адама с проклятиями, часто повторяя слово «сдох». Будучи суеверным, Адам испугался, и в знак покаяния подал другой нищенке двадцать рублей, за что та поблагодарила его: «Да защитит тебя Аллах от всех бед!». После чего Адам почувствовал облегчение. Но судьба сыграла с ним злую шутку: проклятие нищего обрушивалось на него, а благодарность нищенки защищала.

«Надо что-то делать. Надо найти того нищего и извиниться перед ним. Может, тогда проклятие исчезнет?» – лихорадочно думал он.

К двенадцати часам Адам все-таки встал и поужинал, тщательно пережевывая еду и глотая ее осторожно. Ужин прошел без инцидентов.

На следующее утро он отправился на поиски нищего. И так увлекся, что забыл об опасностях, подстерегавших его. Заметив нищего в толпе (он знал примерно, где его искать, поскольку не раз видел его там), Адам направился к нему.

И тут началось невообразимое. На его пути завязалась драка: омоновцы избивали какогото парня прикладами автоматов. Адам резко остановился и хотел было их обойти, но в этот момент прямо перед ним упала граната с выдернутой чекой. Она покатилась к его ногам.

Адам оцепенел. Люди разбежались кто куда, он же стоял как вкопанный на месте, посчитав, что все равно не успеет убежать. Однако граната продолжала лежать на асфальте. Адам не смел шевельнуться, ему казалось, что малейшее движение может спровоцировать взрыв. Спустя полминуты омоновцы подняли гранату, отнесли ее в безопасное место и взорвали.

Вспомнив, зачем он здесь оказался, Адам пошел дальше и наконец нашел того нищего. Адам подошел к нему и спросил, помнит ли он его. Тот, видимо, вспомнил и с угрюмым выражением лица молча смотрел на него. Понадобилось минут пять на уговоры, чтобы нищий простил его.

Адам протянул ему сто рублей. Тот быстро выхватил их и радостно повторил:

- Прощаю! Будь здоров!

С этой минуты охота за ним закончилась, но Абдулла еще долго боялся даже приближаться к Адаму.

Последняя молитва

Услышав, что меня кто-то зовет, я открыл глаза.

Надо мной стоял бледный, с глубоким порезом на лице, Али. За его спиной в небо поднимался черный, как смола, столб дым. Я услышал шум летящих самолетов и разрывающихся ракет. Война напомнила о себе. Я понимал, в каком трудном положении оказались мы с другом, тем не менее, повернулся на другой бок и попытался снова заснуть, забыться.

– Магомед! – услышал я настойчивый голос Али. – Нашел время! Вставай! Самолеты скоро будут здесь!

Я потянулся, присел на свежей мягкой траве и посмотрел в сторону противоположной горы, над которой летали самолеты.

- Они нас могут заметить, сказал Али. –
 Мы должны быстрее убираться отсюда.
- Куда же мы на этот раз пойдем? язвительно спросил я, устав от беготни.
 - Да хоть куда! Лишь бы не погибнуть.

Я встал, поднял свой рюкзак, перекинул через плечо автомат, в котором осталось не больше пяти патронов, и произнес:

– Ну, пошли.

Стараясь держаться поближе к деревьям и падая на землю каждый раз, когда пролетал самолет, мы спускались вниз по горе, надеясь найти убежище. Нам не оставалось ничего, кроме как прятаться. Мы уже второй день блуждали по этим горам, надеясь выбраться из этих «джунглей», и понятия не имели, где находимся.

Мысли о смерти не давали мне покоя. Самолеты бомбили каждый день по нескольку раз. Ракета могла упасть на нас в любую минуту.

Когда мы оказались внизу, взрывы раздались совсем близко. Земля под ногами содрогалась. Мы пошли быстрее. Деревьев становилось все больше, под которыми вряд ли нас могли заметить летящие уже над нашими головами самолеты.

Вскоре мы дошли до небольшой речки. По обе стороны ее не было никакой растительности, поэтому переходить реку было рискованно – мы могли стать открытой мишенью.

Мы стояли в нерешительности, не зная, что делать. За спиной раздавались взрывы, а над головой летали самолеты.

Решили немного подождать.

- Ты видишь хоть один самолет? спросил я Али через какое-то время.
 - Нет, неуверенно ответил он.
 - Тогда пошли, сказал я, и мы побежали. Времени для раздумий не было.

Переходя речку, Али вдруг остановился и стал набирать воду в две пластмассовые бутылки.

– Али! – крикнул я. – Что ты застрял? Беги сюда!

Наполнив бутылки, он прибежал.

Внезапно над головой, совсем низко пролетел истребитель. Мы быстро легли на землю. Убедившись, что он не собирается лететь обратно, мы встали и побежали вглубь леса.

- Как ты думаешь, спросил Али, они нас заметили?
 - Надеюсь, что нет, ответил я.

Пройдя еще немного от речки, мы решили остановиться, передохнуть. Сели, выпили воды. Али начал умываться.

- Ты что это нашу воду тратишь? возмутился я.
 - Хочу сделать намаз.
- Нашел время. Нам уже надо идти. С минуты на минуту может начаться бомбежка.
 - Для молитвы всегда есть время.

Я не стал возражать.

Пока он молился, я пошел на поиски пищи. Нашел абрикосовое дерево, залез на него и стал рвать плоды. Тут я услышал шум приближающегося самолета и замер. Взрыв раздался совсем близко. За ним последовал второй, третий. Метрах в пятнадцати от меня показался дым.

Спрыгнув с дерева, я побежал к Али.

 – Они нас засекли! – кричал я. – Убираемся отсюда!

Еще издалека я увидел, что он делает до Га.

– Бери вещи! Бежим отсюда!

Али только взглянул на меня, но не двинулся.

«Упрямый осел!» – подумал я.

Между нами оставалось метров десять, как вдруг совсем близко от Али разорвалась ракета. Я успел увидеть, как большой осколок от ракеты пулей прошел сквозь тело Али, разрывая грудь.

Он упал.

Я стоял как парализованный, не веря тому, что произошло. Рядом раздавались взрывы, но мне в этот момент было все равно.

Я медленно стал подходить к безжизненному телу. Бомбежка понемногу отступала.

Внезапно Али поднялся. Глаза его были закрыты. В груди была огромная дыра. Тем не менее, он поднял руки, протянул их перед собой и продолжил делать доІа, как ни в чем не бывало.

Я смотрел на это, не веря своим глазам.

Али завершил доІа и снова упал, словно и не вставал вовсе.

Я подошел к нему, чтобы убедиться, что он мертв. Судя по огромной ране на груди, по всем законам природы он должен был лежать и не двигаться, как все покойники. Но по неизвестной причине он встал и докончил свой доІа. На всякий случай я проверил пульс. Его, разумеется, не было.

Я решил для себя, что Всевышний дал ему возможность покаяться перед тем, как Он заберет его душу. Я слышал, что если перед смертью человек успеет искренне покаяться, то Бог прощает ему грехи, и он попадает в рай, если даже жил грешной жизнью.

Похоронив Али по всем правилам шариата и сделав намаз, я пошел дальше. Смерть меня больше не пугала. Я стал свидетелем грандиозного чуда Всевышнего, и теперь шел уверенно. Моя жизнь в Его руках. Ему решать – умру я или нет.

